

II.

Опытъ Южнорусскаго Словаря, К. Шейковского (¹).

Г. Шейковского поразила мысль Як. Гримма—сдѣлать словарь самую популярною, настольною книгою! »Дѣйствительно, « замѣчаетъ авторъ »Опыта,« — въ словарь какого-нибудь языка легче всего представить все нравственное богатство народа отъ первыхъ проблесковъ его развитія, такихъ проблесковъ, о которыхъ ничто другое, кромѣ языка, не можетъ намъ даже намекнуть, до послѣдняго фазиса развитія. « Г. Шейковский сознаетъ, что подобный словарь тогда только будетъ возможенъ, «когда исторически и сравнительно съ другими языками прослѣдимъ какъ внѣшнія, такъ и внутреннія модификаціи каждаго слова»; но съ другой стороны, убѣжденъ, что выработкѣ такого словаря также можетъ значительно пособить и то, *если будетъ представлено много данныхъ изъ эпическаго фазиса языка*. Имѣя въ виду это послѣднее, онъ старался, при составленіи своего словаря, *привести какъ можно больше пословицъ, загадокъ, пѣсень, повѣрій, суевѣрій, заговоровъ, заклинаній, обрядовъ, обычаевъ, забавъ, игоръ и т. п.*, — такъ-какъ въ нихъ болѣе всего сохранилось остатковъ эпическаго періода жизни народа и языка, и такъ-какъ они, въ извѣстной мѣрѣ, могутъ характеризовать народъ и степень его развитія.

Мысль Як. Гримма о словарь — превосходна. Стремиться къ осуществленію этого современнаго идеала словарей — дѣло въ высшей степе-

(¹) Хотя, въ мартовской книжкѣ *Основы*, былъ уже напечатанъ краткій отчетъ о южнорусскомъ словарѣ, но мы считаемъ полезнымъ помѣстить еще и подробную статью г. Гатцука, заключающую въ себѣ безпристрастный разборъ труда г. Шейковского и весьма дѣльные совѣты и указанія.

ни похвальное. Обо всемъ этомъ считаемъ лишнимъ распространяться. Наше дѣло — принять во вниманіе этотъ идеалъ, остающійся недосягаемымъ даже для самихъ нѣмцевъ; принять во вниманіе задачу автора и сказать, съ одной стороны, на сколько авторъ понялъ требованія современнаго идеала, — съ другой, на сколько онъ выполнилъ свою задачу.

Г. Шейковскій, какъ видно изъ предисловія къ *Опыту*, поставилъ себѣ задачею слѣдующее: во 1-хъ, составить возможно-полный словарь, т. е. сборникъ словъ южнорусскаго языка, съ обозначеніемъ, откуда слово взято или гдѣ употребляется и съ переводомъ ихъ на русскій языкъ; во 2-хъ, привести въ немъ какъ можно болѣе пословицъ, загадокъ, пѣсень и т. д., дабы представить побольше «данныхъ изъ эпического фазиса языка» и тѣмъ облегчить какъ разработку исторіи языка, такъ и знакомство съ народомъ, съ его бытомъ и поэзіею. Авторъ, вѣроятно, полагалъ, что такимъ образомъ мысль Як. Гримма о достоинствѣ словаря нѣсколько достигается: кто будетъ пользоваться словаремъ, тотъ знакомится не только съ словами и общимъ ихъ значеніемъ, но и съ употребленіемъ этихъ словъ въ поэзіи и въ быту народа, наглядно знакомится съ самымъ его бытомъ, поэзіею и понятіями. Такъ, напримѣръ... Къ сожалѣнію, довольно трудно найти въ «Опытѣ» г. Шейковского примѣръ безукоризненнаго (какъ бы намъ хотѣлось) объясненія какого-нибудь любопытнаго слова. Беремъ наиболѣе извѣстное и наиболѣе трудное для объясненія.

Баран, м. р. а=баранъ. — *вице*, — *нянко*, — *ыско* (ув); — *пцу'*, р. — *нид*, — *чык*, — *чычок* (ум). *Дываиця як баран на нові ворота* (погов.) = глупо смотреть. — Сильное теченіе (!!) волнъ:

Волны верх них (Жулына и Калывы) каламутні
Красні сукні дерлы,
Віючяся баранами,
Білі боки терлы.

(Вінок., стр. 101).

Родъ игры въ мячъ (Слѣдуетъ весьма подробное описаніе игры.)

Или:

Барвінок, м. р. у. — *sempervivum* fl (Linn), *vinca*. Цвѣтокъ этотъ, всегда зеленый, употребляется преимущественно на *всмі* и на *хрестинах*. Ему обыкновенно придается эпитетъ *хрещастый* (Подольск.) или *хрещатый*, иначе *кратчастый*:

Скажи мені правду, мої сардынатко,

Которая зелєнь найперш процвітає,

Чи кратчастый барвіночок,

Чи запашный васылечок,

Чи повна рожа?

(Метл. нар. пѣсни 364 стр.)

Ой вінку мій, вінку,

С хрещастого барвінку!

Купувалам тя у рынку,

Замыкалам тя у скринку;

А тєпер ты порушу,

Та й заплакаты мушу.

(Свадебн. пѣсня Под. губ.)

—*нчык, чычок, ночок*, р. чку (ум.). *Барвінок* въ Галиціи называется еще *кудзявым деревцем*. Издатель «Вінка» основываясь на этомъ, болѣе остроумно, нежели правдоподобно, замѣчаетъ, что *барвінок* заступилъ мѣсто кедра, послѣ того, какъ предки южно-русовъ оставили тѣ страны, въ которыхъ росъ кедръ. Барвінокъ служитъ символомъ жизни, красоты и невинности. На свадьбахъ и крестинахъ барвінокъ облѣпиваютъ *шумыхою*, а при нѣкоторыхъ чарахъ — смолою.

Барвінку рваты — идти на любовное свиданіе:

Пусты жъ мене, маты, *барвіночку рваты*;

А уже жъ наші ворожен'кы полягали спаты.

(Мал., 288. стр.)

Въ добавленіи) *Барвінці*:

А хто ж то сыдыт під вінцем.

Під кудерным дєрєвцем.

Під зелєнен'кым барвінцем?

Ивасіо сыдыт під вінцем,

Під кудерным дєрєвцем,

Під зелєнен'кым барвінцем.

(Русск. 102, также *pieśni pol. i rusk. ludu, gal., str. 26*).

Барвінейко (ум.) Затѣмъ слѣдуетъ еще нѣсколько столь же интересныхъ выписокъ изъ народныхъ пѣсень, которыя мы считаемъ лишними перепечатывать.

Или наприм., вамъ заблагоразсудилось бы узнать объясненіе слова *борщъ*, вы находите его (на 92 стр.) и читаете:

Борщ, м. р. у = 1) квась, изъ котораго готовятъ кушанье *борщ*. Онъ бываетъ *дїжковый* и *бураковый*. Первый квась готовится такъ: насыпать въ «дїжку» ржаныхъ отрубей, налить туда кипятку, пригото-

изъ ржаной же муки «роквас», и когда онъ перебродитъ, влить его въ прежній растворъ, куда влить еще кипятку. По прошествіи двухъ сутокъ, квась этотъ можно уже употреблять. *Парыты борщ* = приготовить этотъ квась. *Парыты борщ по хатах* = не имѣть дома квасу и ходить за нимъ къ сосѣдямъ. *Бураковъ борщ* готовится изъ свекловицы. Очищенную свекловицу складываютъ въ бочку и наливаютъ её холодною водою. Квась этотъ долженъ киснуть, по-крайней-мѣрѣ двѣ недѣли. 2) Кушанье, приготовляемое изъ квасу. Оно бываетъ съ мясомъ или съ рыбою. Кромѣ того, въ него входятъ еще слѣдующія снадобья: свекла, лукъ, свѣжая капуста, фасоля, лебеда, грибы и т. п. Борщъ бываетъ *забілэный*, *пыткалэный*, *засыпаный*, *затовчэный*. На с'вятый вечеръ въ него еще бросаютъ *вушка*, или *крешыкы*, т. е. варенички съ соленою рыбою.

— *ык*, р. ку (ум).

Дошыку-дошыку!
Навару тобі борщыку,
У полывьянім горщыку,
Выставлю на дуба,
Люны як з дуба.

(Дѣтская припѣвка во время дождя).

— *ыще*, *ыско* (ув). 3) Растеніе (*Heracleum sibiricum*. L.)

Далѣе, въ добавленіи, приложенъ галицкій вариантъ этой же пѣсенки изъ сборника Паули.

Какая же, въ самомъ дѣлѣ, книга можетъ быть *популярнѣе*, *настольнѣе* такого словаря? Кому онъ не нуженъ, кто въ немъ не найдетъ себѣ пищи? Изъ такого словаря (будь онъ, конечно, не первоначальный опытъ) читатель могъ бы наглядно познакомиться не только съ поэзіей народа, съ пословицами, заговорами, анекдотами, обрядами, пѣснями, играми и, вѣроятно, плясками, но и съ бытомъ и опытомъ народа, съ тѣмъ какъ и когда употреблять какой горшокъ или боченокъ, какъ за пчелами ухаживать, овецъ пасти, воловъ запрягать, землю пахать, свиней откармливать, борщи варить и квасы готовить. Книга будетъ полезная и, вѣроятно, многотомная!

Настоящій (1-й) выпускъ (слова на бук. А и Б), вмѣстѣ съ приложеніемъ и добавленіемъ, заключаетъ въ себѣ 224 столбца (112 стр.) крупной и самой разгонистой печати. Въ каждомъ столбцѣ заключается объясняемыхъ словъ отъ 19 до 0; а объясненія и добавленія къ значительной части словъ занимаютъ отъ 1-го до 8¹/₂ столбцевъ. Всѣхъ словъ на буквы А и Б до полуторы тысячи — цифра солидная. Но дѣло, конечно, не въ количествѣ, а въ качествѣ; можно набрать словъ изъ польскихъ, чешскихъ, ц.-славянскихъ, великорусскихъ и т. п. словарей и такимъ образомъ

увеличить количество словъ на А и Б до 5 тысячъ. Нѣтъ, г. Шейковский ведетъ дѣло сдержано, честно. Сколько, напр., можно было бы, даже изъ усть народа, набрать словъ, сложенныхъ съ предлогомъ *без*, какъ: безхвостый, безсонница, безребрый, безпятый, безносый, безрукый и т. под., а г. Шейковский ограничился всего только одною сотнею. Мало того, множество любопытнѣйшихъ словъ советѣмъ опущено; нерѣдко изъ цѣлаго ряда однокоренныхъ словъ встрѣчаемъ одинъ лишь глаголь или одно имя существительное, или только глаголь, да одно существительное безъ производныхъ, или производныя безъ основныхъ словъ. Какъ напр: 1) *базь*—*базь!* базька, базікати, базікало (недост. база — очка, базиганье, базный, базыч, базічний, базичня и т. п.) 2) *базувир* — (риый,—рье,—рчати). 3) *бахур*, *бахурювати* (нед. бахуріти,—сь, —рівка,—ичко,—рітка,—ринка,—риночка,—ный,—рота,—ище); 4) *базар*, — *ныи*, — *ынка* (недост. базаритись, базарувати, базарчук, базуринкати и т. п.; 5) *балакати* (нед. балаканье); 6) баклага; 7) *бурхат'*, — *нуть* (нед. бурхати, бурхливый,—хота,—ханье,—хня,—бурхач); 8) *буйний* (нед. буйти,—тний,—буина! и т. д.) 9) *буль-буль!* *булька*, — *ати*, — *котати* (нед. бульбулькати, — ине,—ун, и т. п. Форма словъ большею частію обозначена только какая-нибудь одна, или одного говора: такъ, напр., глаголь *баритись*, безъ дѣйств. зал. *барити*, между тѣмъ какъ и въ дѣйствительномъ зал. этотъ глаголь очень часто употребляется.

Та не *бари* мене, попович,
 Бо в мене ненька перідненька,
 Буде на мене сваритися,
 Як я буду баритися.

борщивнычыты — безъ *борщивнычаты*; *биунка* — безъ болѣе употреб. ф. *биучка*; *бухати*, *бухнути* — безъ *бухчити* и т. под. Понятно, что всѣ эти недостатки могутъ служить не упрекомъ г. Шейковскому въ невнимательности къ дѣлу или въ плохомъ знаніи южнорусскаго языка, а, напротивъ, доказательствомъ его осторожности и добро-советности при торопливомъ даже составленіи словаря; и конечно, доказательствомъ посѣдншности при составленіи его. Вѣроятно, г. Шейковский не позволялъ себѣ полагаться на свой инстинктъ, на свою память и знаніе южнорусскаго языка, а вписывалъ въ свой словарь, исключительно только то, что находилъ существующимъ уже въ печати и записаннымъ изъ усть народа надежными людьми, или что самъ успѣлъ записать. Это предположеніе подтверждается и тѣмъ, что значительная

часть словъ его словаря, взятыхъ не изъ изданныхъ уже произведеній народной малороссійской поэзіи, носить отпечатокъ преимущественно той мѣстности, гдѣ живетъ авторъ, или той, съ которою онъ, какъ авторъ «Быта Подолянтъ», наиболѣе ознакомился.

Правда, количество словъ много увеличено словаремъ собственныхъ именъ, фамилій и названій мѣстностей — дѣломъ, впрочемъ весьма полезнымъ; но, повторимъ, дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ.

Относительно *качества словъ* должно вообще замѣтить, что все они чисто *южнорусскія*, болѣе часто встрѣчающіяся въ разговорномъ языкѣ и переданы довольно правильно преимущественно по тому говору, съ которымъ авторъ свыкъся. Словъ явно польскихъ или новыхъ, великорусскихъ, обращающихся въ народѣ, въ «Опытѣ» г. Шейковского встрѣчается даже слишкомъ мало, равно какъ и словъ устарѣлыхъ или болѣе рѣдкихъ и мѣстныхъ, какъ: буіти, бурделя, бушля, богун, баклан, бандилля; даже такихъ, какъ балухати, балух, балухатый, бульбушка, брындюшка, берегти и т. д. Вообще же *идіомовъ* того или другаго нарѣчія, той или другой отдѣльной мѣстности, въ «Опытѣ» г. Шейковского почти не встрѣчается, или встрѣчается безъ обозначенія, и такъ мало, что еслибъ этотъ словарь былъ доведенъ такимъ же образомъ до конца, то по немъ далеко еще не вполне можно было бы познакомиться съ общимъ лексическимъ составомъ не только поддѣпровскаго нарѣчія, но и съ заддѣпровскимъ или доддѣпровскимъ его подрѣчіемъ. О нарѣчій прикарпатскомъ (русиномъ), конечно, и говорить нечего. Впрочемъ, авторъ самъ сознаетъ недостаточность въ этомъ отношеніи своего «Опыта»: онъ говоритъ (въ предисловіи) »что при обширности распространенія южнорусскаго языка не хватитъ силъ одного человѣка исчерпать все лексическое богатство его. Мы сдѣлали это на столько, на сколько возможно было сдѣлать, и не считаемъ трудъ свой полнымъ и совершеннымъ, а смотримъ на него какъ на «Опытъ», могущій современемъ пополниться и усовершенствоваться.» Съ этою-то цѣлью г. Шейковский и началъ издавать словарь *выпусками*, такъ-какъ, при такомъ изданіи, возможны усовершенствованія, пополненія и поправки въ дальнѣйшихъ выпускахъ. Матеріалъ для словаря такъ быстро увеличивается у г. Шейковского, что онъ уже принужденъ былъ, даже при 4-мъ выпускѣ, помѣстить *дополненіе*.» Стало быть, можно надѣяться, что современемъ этотъ «Опытъ» можетъ много пополниться и превратиться въ весьма полный словарь не только доддѣпровскаго подрѣчія, но и всего поддѣпров-

скаго нарѣчія, абыть можетъ и всего южнорусскаго языка.—Но мы говоримъ не о будущемъ, а о настоящемъ.

Не смотря на значительную неполноту собранія южнорусскихъ словъ, на неполноту обозначенія важнѣйшихъ ихъ формъ и важнѣйшихъ измѣненій по нарѣчіямъ, мы тѣмъ не менѣе, какъ по количеству словъ, такъ и по качеству ихъ (т. е. по выбору и передачѣ), должны поставить этотъ «Опытъ» значительно выше «Словаря Идіомовъ» и не можемъ не пожалѣть, что вышелъ только одинъ 1-й его выпускъ.

Достоинство словаря, какъ сборника словъ какого-нибудь языка, конечно, заключается не только въ большемъ или меньшемъ количествѣ набранныхъ словъ, не только въ правильной передачѣ ихъ, въ правильномъ обозначеніи всѣхъ важнѣйшихъ формъ каждого слова и измѣненій его по нарѣчіямъ, — словомъ, не только въ правильной и полной передачѣ матеріальной, звуковой части языка, но и въ такой же передачѣ духовной стороны его—въ правильномъ и отчеливомъ переводѣ и объясненіи значенія и употребленія словъ, безъ напраснаго многословія. Если въ первомъ отношеніи словарь г. Ш—го не безъ значительныхъ для перваго «Опыта» достоинствъ, то во-второмъ онъ изобилуетъ значительными недостатками, немало затемняющими самыя достоинства труда г. Ш—го. Правда, большая часть словъ объяснена довольно удовлетворительно,—по крайней мѣрѣ правильно указано нѣсколько отгѣнковъ значенія того или другаго слова; но и въ этой значительной части, быть можетъ (въ иныхъ случаяхъ) вслѣдствіе поспѣшности, не всегда соблюдается должный порядокъ значеній. Кромѣ того, много отгѣнковъ въ значеніи словъ не указано, какъ, напр., *бгати* ⁽¹⁾ = сплетать, подгибать, загигать (о хлѣбѣ), и только; *бумкати* = играть на віолончели или на *рѣшэті* — играть вообще на какомъ-нибудь инструментѣ, но плохо: *музыки бумкають*. Первое же значеніе этого слова — производить или произносить звукъ *бум-бум* (подражаніе звукамъ акомпанимента, баса) здѣсь опущено; равно какъ значеніе слова «бровко» — человекъ или животное съ большими бровями, совсѣмъ не обозначено, а только сказано, что это «названіе собаки», т. е. означено частное, случайное, а общее, основное, опущено. То же самое встрѣчаемъ при словѣ *балаи* (собств. свѣтло-желтый, палевый цвѣтъ, краска) — у г. Ш—го: «названіе бѣлаго вола, или бѣлой собаки»; «*баталія*—драка, ссо-

(¹) Безъ-сомнѣнія, это — однокоренное слово съ *пгати*. Молдав. — баг (бѣга — бѣгати) = всовывать, впахивать).

рас; «*бэрэжына* — земля, покрываемая водою во время половодья», и въ другихъ. Встрѣчаются слова съ формою и значеніемъ, извѣстными намъ по Академическому, напр., словарю, а обиходныя малороссійскія опущены, напр. есть слово «*брыжі* — 1) брыжи, родъ украшенія на одеждѣ; 2) Брыжейка» (вѣроятно, mesenterium. См. Акад. слов. 1826 г.); а *брыжа* — гудокъ у бумажнаго змѣя опущено, и т. под.

Далѣе, авторъ «Опыта», вѣроятно по свойственной ему осторожности, оставилъ многія слова необъясненными, даже безъ перевода на русскій языкъ, хотя иногда говорить о нихъ очень много. Такъ напр. при словѣ «*бары*» онъ говоритъ, что «такъ въ одной загадкѣ названы волки: *прійшли бары, та забрали дары* (1); *басолі* — тоже. » Это слово, говоритъ г. Ш—ій, употребляется въ слѣдующей поговоркѣ: *А уже мѣні нѣ до солі, коли грают на басолі!* Поздно кормить собакъ, когда пора итти на охоту. Въ такомъ смыслѣ эта поговорка употребляется въ Подольской губ. » Затѣмъ, слѣдуетъ мысль о происхожденіи нѣкоторыхъ поговорокъ изъ анекдотовъ, факцій, повѣствованій и т. под., и наконецъ, не только приводится *цѣликомъ* весь анекдотъ, изъ котораго, по мнѣнію автора, заимствована вышеприведенная поговорка, но даже (въ добавленіи) и стихотворный его варіатъ; о самомъ же словѣ *басолі* рѣшительно ничего не сказано: не только не сдѣлано намека на то, какой это инструментъ, не польское ли это «*basetla*», *der Bassetel*, но даже не указано, что за падежъ «*басолі*». Такъ точно слово *бухылы* (подражаніе выговору жидовъ) вызываетъ автора на цѣлую факцію о двухъ жидяхъ, передаванную въ стихахъ г. Руданскимъ, а чисто-малороссійское слово «*бухало*» остается не только не объясненнымъ, но даже и не приведеннымъ въ словарь г. Ш—го, между тѣмъ какъ оно имѣетъ разнообразное значеніе. Конечно, мы можемъ предположить, что авторъ «Опыта», имѣя прежде всего въ виду «доставить какъ можно болѣе данныхъ (матеріала) для эпического фазиса языка», именно: пѣсень, поговорокъ, пословицъ, повѣрій, анекдотовъ и т. д., старался представить голые факты, которые сами собою объясняли бы дѣло, и не обременять словаря собственными догадками и соображеніями; но вѣдь дѣло *словаря*, во 1-хъ, *слова* и ихъ смыслъ, а не пѣсни и анекдоты, которыми мѣсто въ особыхъ сборникахъ и которые входятъ въ словарь только нѣкоторыми своими частицами, поясняющими особенность значенія

(1) Впрочемъ, въ предисловіи г. Ш. замѣтилъ, что слова, однозначущія съ русскими, онъ не переводитъ.

или употребленія слова; во 2-хъ, слова и отѣнки ихъ значенія едва-ли не болѣе важны для исторіи языка, чѣмъ приводимые г. Ш—мъ анекдоты позднѣйшаго образованія; наконецъ, какъ видно по многимъ мѣстамъ «Опыта», авторъ его не отказывается себѣ въ удовольствіи пояснять то или другое слово собственнымъ толкованіемъ и даже *обременить* это толкованіе разсужденіями и подробными опроверженіями высказанныхъ кѣмъ-нибудь мнѣній. Такъ, напр., раскроемъ стр. 101: «*браты*.... 4) *усі пси тѣбѣ брали* — всѣ за тобой волочились (?!). Въ послѣднихъ двухъ (3-е женится) значеніяхъ своихъ глаголь *браты* сохранилъ въ себѣ остатокъ древняго значенія и намекъ на старинную форму брака у Славянъ, когда *умыкали* дѣвицъ, брали насильно. *Беры*, повел.; *bery vyцѣ!* — поговорка эта образовалась изъ слѣдующаго анекдота (слѣдуетъ анекдотъ) «... На стр. 100: *братство*... Въ Подольской губ. почти при каждой церкви есть подобныя братства. Это остатки реакціи противъ Уніи и *перепольщеніи*. Жаль, что теперь эти братства не имѣютъ возможности дѣйствовать противъ перепольщенія, обладающаго такими огромными средствами для своей дѣятельности» и т. д. Замѣчаніе конечно хорошее, но едва-ли мѣсто ему въ словарѣ. На стр. 113: «*Брыніты*.... Прежде чѣмъ покажемъ значеніе этого слова, считаемъ не лишнимъ — говоритъ авторъ — выписать изъ «Корнеслова» г. Шимкевича трактацию его объ этомъ словѣ. Она покажетъ, до какой степени были знакомы наши филологи съ южнорусскимъ языкомъ и до какой степени допускали произвольныя толкованія (Слѣдуетъ подробная выписка трактаціи). Теперь покажемъ — продолжаетъ г. Ш., — значенія слова брыніты и тогда увидимъ все филологическое достоинство этой тирады». Къ сожалѣнію, г. Ш—имъ опущены нѣкоторыя однокоренныя съ *брыніты* слова и отѣнки значенія этого слова, и читатель все-таки не видитъ вполне филологическаго достоинства трактаціи г. Шимкевича.

Ясно, что г. Ш—скій не стѣняется наполнять словарь разными, едва-ли нужными для словаря, трактатами, разсужденіями, замѣтками въ популярномъ тонѣ и даже фактами, столь же идущими къ словарю, «якъ корові сидло»; о недостаткѣ мѣста, о необходимой для словаря сжатости при передачѣ фактовъ и при объясненіяхъ, онъ видимо не много думаетъ. Доказательство этому читатель встрѣчаетъ на каждомъ шагу. Объясняетъ, напр., г. Ш—скій слово «*будівля* — зданіе, строеніе; *світове будовля* — мірозданіе, міръ». Кажись бы и дѣло съ концемъ, потому-что авторъ «Опыта» не допускаетъ въ этомъ своемъ трудѣ ни-

какихъ филологическихъ изслѣдованій, — такъ нѣтъ: *свитове будовля* напомнило ему сказаніе народа о сотвореніи міра, и вотъ онъ, ни съ того, ни съ сего, начинаетъ приводить цѣликомъ извѣстные по разнымъ изданіямъ варьянты этого сказанія, занимающіе три слишкомъ столбца его словаря и нисколько не поясняющіе ни значенія, ни употребленія, ни происхожденія слова «будівля». Совершенно тоже читатель находитъ при объясненіи множества другихъ словъ, какъ при — бусель, береза, бути (выраж. «був собі»), брацьчик, брехати (съ ничего не поясняющимъ анекдотомъ про брехню), при выраж. «беры выще»! (съ такимъ же анекдотомъ) и т. д. Даже слово «братуха» (грубо фамиллярно ласкательное, соб. увел. отъ брат.) или «братух» (!!) вызываетъ г. Ш — скаго привести цѣлую шуточную пѣсенку, въ концѣ которой употреблено это слово: «Не пеуй шкуры, мій братуху!»

Стало бытъ, въ недостаткѣ объясненія нѣкоторыхъ словъ (какъ ба-солі, білозірочка, бухыли и т. д.) мы принуждены видѣть или недосмотръ, или благоразумную осторожность автора — не объяснять и не писать того, чего положительно не знаешь. Въ последнемъ случаѣ, конечно, придется только пожалѣть объ одномъ: зачѣмъ авторъ «Опыта» не всегда держится этого прекраснаго правила и въ нѣкоторыхъ случаяхъ позволяетъ себѣ дѣлать объясненія и переводы, на основаніи личныхъ своихъ соображеній и догадокъ. Такъ напр., слово *баран* онъ, между прочимъ, переводитъ: «сильное теченіе волнъ», тогда-какъ, во 1-хъ, извѣстно, что *баранами* называютъ не сильное теченіе волнъ, а закручивающіяся (на подобіе бьющагося барана, или на подобіе бараньяго рога) и пѣнящіяся, бѣлыя (издали — какъ барашки въ полѣ) верхушки волнъ, и во 2-хъ, самыя слова приведенной въ «Опытѣ» пѣсни — «*віючеся баранами*» — наглядно представляютъ то, что такое здѣсь *бараны*. Слово «*безперестанці*» переведено нарѣчіемъ — *постоянно*, — тогда какъ приведенная г. Ш — имъ пѣсня гласитъ: «горять свічі безперестанці», — стало бытъ прямо указываетъ, что это слово есть имя существительное, а не нарѣчіе, иначе было бы «*безперестанку*», и т. под.

Несоблюденіе г. Ш — скимъ того же прекраснаго правила вводитъ его и въ болѣе преступныя, по нашему мнѣнію, погрѣшности, чѣмъ неправильное или неточное объясненіе слова. Кто обратитъ серьезное вниманіе на то, что многія слова невѣрно или неточно объяснены, или совсѣмъ оставлены безъ вниманія, что *безперестанці* — нарѣчіе, что «бугай» = бугай и *пеликанъ* = вынь, что «*бух*!» и «бебех!» — вы-

раженія моментовъ паденія (какого?), что «бурда» — просто «невкусное питье, кушанье» и т. под.? Но едва-ли кого не поразитъ странное осуществленіе г. Ш—скимъ того плана, о которомъ онъ говоритъ въ своемъ «Предисловіи». Каждый, прочтя это предисловіе и не засматривая въ словарь, конечно, такъ пойметъ дѣло: «Составитель словаря считаетъ нужнымъ стремиться къ осуществленію той мысли, которую высказалъ Як. Гриммъ о словаряхъ; но, сознавая невозможность составить такой словарь и желая облегчить историко-сравнительную разработку роднаго языка доставленіемъ данныхъ изъ эпического его фазиса, онъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность приводить въ своемъ словарѣ какъ можно болѣе такихъ данныхъ изъ народнаго быта и поэзіи, которыя тѣсно связаны съ объясняемымъ словомъ и служатъ къ уясненію его значенія, со всѣми оттѣнками его употребленія и даже самаго его происхожденія». По-крайней-мѣрѣ, мы не могли бы иначе понять намѣренія г. Ш—скаго, потому что сроднились съ тою мыслью, что какъ ни разширяй понятія о словарѣ, словарь все-таки есть ничто иное, какъ сборникъ, собраніе и объясненіе словъ языка; что основная, ближайшая и опредѣляющая его цѣль есть изученіе того матеріала языка, который называется *словами*. Мысли В. Гумбольдта о языкѣ вообще и Як. Гримма о словарѣ не измѣнили это основное понятіе и цѣль словаря, а уяснили, дополнили и разширили его. Слова — какъ всякому теперь извѣстно — не искусственно изобрѣтенные значки. Они создались (или вѣрнѣе создавались), жили, измѣнялись и живутъ также какъ и самая мысль человека, съ которою постоянно тѣсно связаны и въ жизни которой принимаютъ даже активное участіе; будучи хранителями мысли народа, они, естественно, являются вмѣстѣ съ тѣмъ и двигателями ея. Когда-то, въ до-историческое время, въ такъ-называемой эпическій періодъ, словарожились вмѣстѣ съ первыми проблесками человѣческой мысли и поэзіи, характеромъ которой отличалась тогда и самая мысль; нерѣдко они заключали въ себѣ цѣлый мифъ и были произведеніемъ мифа, поэзіи. Доселѣ еще слова тѣсно связаны въ душѣ народа съ извѣстными эпическими выраженіями, даже цѣлыми пѣснями и со всею вообще поэзіею. Вамъ не разъ конечно приходилось слышать, какъ напримѣръ, иная бойкая молодлица пересыщаетъ свою рѣчь, какъ горохомъ, поговорками, пословицами, выдержками изъ пѣсенъ, изъ народныхъ анекдотовъ, сказокъ и сказаній, — что слово, то и ссылка на родную поэзію. Эти сказки большею частію не есть случайное сближеніе понятій и могутъ служить однимъ изъ наглядныхъ доказательствъ существованія тѣсной связи въ душѣ на-

рода словъ со всею его поезією. Изучать матеріалъ языка — слово, можно не иначе, какъ рядомъ съ другими его матеріалами — съ поезією и самымъ бытомъ народа; равно какъ поезію и бытъ народа нельзя изучать безъ изученія словъ. Тѣмъ не менѣе, конечно, слова — *звуковыя* понятія, представленія и чувства народа, какъ и весь языкъ — сами по себѣ составляютъ нѣчто самостоятельное, цѣлое, суть слова и языкъ, а не поезія и не бытъ, и наоборотъ: поезія или бытъ народа — не слова и не языкъ. Стало быть, и самый идеальный словарь какого-нибудь языка все-таки будетъ не что иное, какъ сборникъ словъ и всѣхъ соединяемыхъ и соединявшихся понятій, представленій, а не сборникъ пословицъ, сказокъ, анекдотовъ, не поваренная или сельско-хозяйственная книга. Поезія и бытъ народа входятъ въ него лишь на столько, на сколько они необходимы для уясненія словъ, какъ въ современномъ ихъ значеніи, такъ и въ историческомъ развитіи, т. е. выдержками, упоминаніями о нихъ и ссылками. И тѣмъ не менѣе такой словарь будетъ не просто сборникомъ словъ, а полною энциклопедією понятій, представленій, свѣдѣній — словомъ, всего нравственнаго богатства народа, и можетъ быть самою популярною, настольною книгою. Но конечно о такомъ словарѣ мы покаместъ можемъ только мечтать и готовить для него матеріалы. Въ чемъ же состоитъ подготовка этихъ матеріаловъ? Безъ сомнѣнія, во 1-хъ, въ собраніи полныхъ и точныхъ свѣдѣній какъ о жизни, о бытѣ народа, такъ и о его поезіи — т. е. въ сборникахъ этнографическихъ свѣдѣній, въ сборникахъ пѣсень, пословицъ, анекдотовъ, сказокъ и т. под.; во 2-хъ, въ разработкѣ грамматики; въ 3-хъ, въ собраніи словъ языка и въ правильномъ обозначеніи ихъ современнаго значенія и употребленія въ рѣчи, какъ разговорной, такъ и поэтической; въ указаніи, на сколько позволяютъ изслѣдованія, и наблюденія, связи этихъ словъ съ произведеніями народной поезіи и т. д., и наконецъ, въ 4-хъ, въ опредѣленіи корней словъ и въ сличеніи словъ съ родственными языками и т. д. Здѣсь уже начинается выработка изъ этихъ матеріаловъ *идеального* словаря. Но мы говоримъ о подготовкѣ матеріаловъ и о подготовкѣ первоначальной, т. е. о собраніи фактовъ, гдѣ первое дѣло — точность, полнота передачи и отчетливое обозначеніе мѣста, откуда добыты факты, и второе — правильная, естественная и разумная группировка фактовъ, т. е. чтобы не дѣлать того, что называется «у городі лобода, а въ Киіві дядько».

Но г. Ш—скій ведетъ дѣло иначе. Повидимому, мысль о популярномъ характерѣ словаря сбита съ надлежащаго такта почтеннаго автора

«Опыта». Онъ не шутя задумалъ сдѣлать словарь пріятною для чтенія книгою. Зная, что существуетъ связь между словами и понятіями, повѣрьями, поэзіею и всѣмъ бытомъ народа, онъ полагаетъ не только возможнымъ, но и необходимымъ, немедленно, безъ предшествующихъ изслѣдованій, вмѣстить въ словарь *цѣликомъ* всю поэзію и бытъ народа, — такъ что читатель и изслѣдователь, при каждомъ словѣ находили бы всѣ анекдоты, повѣрья, пословицы, игры, пѣсни (во всѣхъ ихъ вариантахъ), заклинанія и т. д., относящіяся (*повидимому!*) къ тому или другому слову, и чтобы такимъ образомъ словарь былъ полнымъ сборникомъ не только словъ и понятій или представлений, соединяемыхъ съ ними (это дѣло старое, мало обращающее на себя вниманіе г. Ш—каго, второстепенное!), но вмѣстѣ съ тѣмъ и сборникомъ всѣхъ вообще духовныхъ произведеній жизни народа, — что, какъ дѣло новое, привлекаетъ все вниманіе автора. Изъ приведенныхъ выше примѣровъ (см. «борща», «басоліа», «бухылы», «беры выщэ!», «будівля», а также — «брехаты», «бусель», «братуха» или «братух») читатель могъ уже видѣть, какъ *буквально* слѣдуетъ понимать обѣщаніе г. Ш—кого: «мы старались въ «Опытѣ словаря Южнорусскаго языка» *привести какъ можно болѣе* пословицъ, загадокъ, пѣсень и т. д.», и конечно съ своей стороны продолжить это обѣщаніе автора такъ: «мало обращая вниманія на то, какая существуетъ связь между ними и словами». Конечно, относительно даже такого плана, «Опытъ» значительно грѣшитъ — опускаетъ множество важныхъ пословицъ, загадокъ, анекдотовъ, пѣсень, безъсомнѣнія хорошо извѣстныхъ автору «Быта Подолянъ», но какъ отъ перваго «Опыта» и при томъ «Опыта», составлявшагося торопливо, мы не имѣемъ права многого требовать; мы только можемъ задать себѣ такой вопросъ: если этотъ поспѣшный и тощій «Опытъ» долженъ состоять изъ нѣсколькихъ томовъ, то что же представить намъ не опытъ, а полный словарь? сколько бумаги изведется, сколько труда и денегъ напрасно пропадетъ! Въдѣ сборники-то пѣсень, игръ, пословицъ, сказокъ, сборники этнографическіе, все-таки будутъ своимъ чередомъ издаваться и «Бытъ Подолянъ» будетъ продолжать выходить въ свѣтъ. Видимо, что авторъ во 1-хъ не ясно понялъ мысль Як. Гримма и современныя требованія относительно словарей, не вполне уяснилъ себѣ отношенія словъ къ поэзіи и быту народа и не взвѣсилъ должнымъ образомъ, какъ свои собственные, такъ и наши вообще силы: иначе онъ, конечно, другимъ образомъ выполнилъ бы свою мысль о доставленіи *какъ можно болѣе* данныхъ изъ эпической жизни языка: — издавалъ бы, напр., сборники

позіи и быта народа, прилагая къ нимъ отчетливые комментаріи, не упускалъ бы изъ виду при составленіи словаря основную его мысль и цѣль; отложилъ бы на время свое стараніе приводить въ «Опытъ словаря», безъ связи съ дѣломъ и дѣлкомъ, какъ можно болѣе пословицъ, анекдотовъ, пѣсень и т. д., и не искажилъ бы свой честный трудъ чудовищнымъ накопленіемъ разныхъ данныхъ изъ народнаго быта и позіи.

Неисполненіе авторомъ того же вышепомянутаго прекраснаго правила немало повредило и «Приложенію 1-му словарю» (собственныя имена и названія мѣстностей). Обратя вниманіе только на нѣкоторыя новыя требованія отъ словарей и не уяснивши себѣ ни эти требованія, ни отношенія ихъ къ основной мысли всякаго словаря, авторъ впалъ въ односторонность даже при выполненіи такого простаго дѣла, какъ словарь именъ и названій мѣстностей. Собственныя имена и названія мѣстностей весьма важны при изученіи языка и исторіи народа: они часто сохраняютъ въ себѣ слова, корни и формы, вышедшія теперь изъ употребленія или весьма рѣдкія; съ другой стороны, представляютъ многія интересныя указанія для исторіи народа, его древней религіи и т. под. Стало-быть, эти слова должны вноситься въ лексиконъ или въ его приложение слѣдующимъ образомъ: во 1-хъ, самое слово, во 2-хъ, значеніе его, въ 3-хъ, точное обозначеніе мѣста, носящаго это названіе или тѣхъ мѣсть, гдѣ преимущественно употребляется или встрѣчается то или другое прозвище, и въ 4-хъ, наконецъ, указаніе на историческія лица носившія это прозвище. Г. Ш—скій говоритъ, что «на помѣщеніе въ словарь собственныхъ именъ и особенно фамилій онъ наведенъ былъ словаремъ Юнгмана. Я — продолжаетъ онъ — придаю особую важность помѣщенію южнорусскихъ фамилій въ словарь: изъ такого словаря видно будетъ, какія южнорусскія фамиліи ополчились». И вотъ, безъ указаній какихъ бы то нибыло отношеній приводимыхъ словъ къ языку, г. Ш—скій пишетъ цѣлые ряды фамилій и названій такимъ образомъ: *Бащевскій*—фамилія, *Баловня*—id. Барабаш—id., *Басарскій*—id. *Басаврук*—id., *Берво*—id., *Борсук*—id., *Боклый*—id., *Болач*—id., *Берчыцкій*—id., (въ Том. 126) и т. д. *Балын*—названіе мѣста Подольской губерніи (при какой рѣкѣ, въ какомъ уѣздѣ—не сказано). *Безлус*—названіе озера Черниговской губерніи. (Шаф. 215), *Бльжецка Пятына*.—(Новгородской) (?); *Берізняны*—село Кіевской губерніи; *Борзна*—городъ и т. д.—Если попадаетъ прозвище, принадлежавшее какому-нибудь историческому лицу, то г. Ш—скій прилагаетъ весьма обширную для словаря (а. по его мнѣнію, краткую) біографическую

замѣтку, т. е. не только указываетъ годъ и дѣятельность этого лица, но входитъ въ значительныя подробности о его жизни (см. напр. «*Барскій*»). Если о какомъ-нибудь дѣятелѣ существуетъ народная пѣсня, то г. Ш. считаетъ умѣстнымъ привести въ словарь не только всю эту пѣсню, но и варіанты ея (см. напр. «*Байда*»). При названіи гор. *Азова* авторъ почелъ долгомъ перепечатать извѣстную думу о «*побылѣ трехъ братьевъ изъ Азова*». Фамилія «*Анжа Андыберъ*» не вызываетъ г. Ш.—кого упомянуть о существованіи въ южнорусскомъ языкѣ слова *ганджа* (названіе сосуда), но вызвала перепечатать на 8½ столбцахъ изъ *Української Абетки* всю пѣсню объ этомъ туманномъ въ историческомъ отношеніи героѣ, и т. под.

Перелистывая «Опытъ» г. Ш.—кого, удивляешься, какъ авторъ его не обратилъ вниманія на то, что подобное загроможденіе словаря перепечатанными и даже неизданными и неизвѣстными фактами не приноситъ существенной пользы словарю, а уродуетъ его, и притомъ, требуетъ значительнаго увеличенія издержекъ, а г. Ш.—скій жалуется на недостатокъ средствъ для печатанія своего словаря (см. прим. 8, с. XI). Не загромождай г. Ш.—скій свой «Опытъ» не относящимися къ дѣлу вещами, дорожи онъ сколько-нибудь болѣе мѣстомъ и печатай только то, что необходимо для словаря, да печатай — замѣтимъ — болѣе сжато, не такъ разгонието, и мы имѣли бы удовольствіе получить весьма порядочный «Опытъ словаря» не только на б. *А* и *Б*, но и еще буквы на три. Въд не въ первый же разъ г. Ш.—скому приходится печатать свои труды, чтобы мы могли опровергнуть эти несообразности одною неопытностію!

Положимъ наконецъ, что всѣ приведенныя имъ пѣсни, анекдоты, пространныя разсужденія, тирады, объясненія словъ и т. д., хотя и косвенно и мало, а все-таки небезполезны даже въ словарѣ; но съ какой стати г. Ш.—скій, зная, какъ трудно ему дается печатаніе, какъ много ему слѣдуетъ дорожить мѣстомъ, наполняетъ страницы своего труда вещами совершенно уже не относящимися къ дѣлу. На стран., напр., XI (въ Предисловіи) читаемъ: «Объясненіе сокращеній и знаковъ». Дѣло это, конечно, необходимое; но все оно, даже при томъ шрифтѣ, какимъ пользовался г. Ш.—скій, могло бы очень хорошо помѣститься въ 4-хъ столбцахъ, а г. Ш.—скій занялъ этимъ «объясненіемъ» цѣлыхъ 7 страницъ (т. е. почти 14 столбцевъ). Какимъ же это образомъ? А вотъ видите: почтенный авторъ заблагоразсудилъ воспользоваться симъ случаемъ, дабы не только объяснить употребляемые имъ знаки и сокращенія, но (*кетати!*) высказать и свой оригинальный взглядъ на то или на

другое сочиненіе, на того или другаго дѣателя, не стѣняясь притомъ ни мѣстомъ, ни бумагой и печатаніемъ, ни даже деликатностью. Напр.

Він=Вінок (у меня было это сочиненіе безъ заглавнаго листка. Не *Головацкою* ли это «Вѣнокъ русиномъ на обжинокъ?» Вѣна 1846). Отчего бы г. Ш—кому вмѣсто того, чтобъ писагъ это, не справиться сначала въ библиотекѣ Кіевскаго университета или въ какой-нибудь другой?

Кобз=Кобзарь Т. Гр. Шевченка. Спб. 1860 г.

Въ то время, когда узколюбые смѣялись надъ южнорусскимъ языкомъ и г. д. Слѣдуетъ хвала Шевченку, какъ истинному отцу южнорусской литературы, потомъ — разборъ или изложеніе мнѣнія г. Шейковского о «Гайдамакахъ» и о «Наймичкѣ», которую, въ ея основѣ, онъ считаетъ плодомъ не нашей почвы. — Мнѣнія эти занимаютъ почти 2 столбца.

Оси=Основа. Журналъ этотъ, безсомнѣнія, принесетъ много пользы для изученія южнорусскаго края и его народа. Но «Основѣ» не мѣшалъ бы основательнѣе изучить южнорусскій языкъ. (Затѣмъ слѣдуетъ трактатъ о стремленіяхъ «Основы» относительно языка, о незнаніи «Основы» народнаго быта, о словарѣ при «Основѣ» и неправильномъ объясненіи слово «черідка». — Всего почти 2 столбца.

Квіт=Повѣсти Квітки. Изд. Куліша. 1858. (Къ этимъ повѣстямъ приложена біографія *Основьяненка*, написанная самымъ топорнымъ языкомъ г. Кулиша, нашего Тредьяковскаго). Слѣдуетъ обозначеніе года и мѣста рожденія и смерти Квитки.) Повѣсти его замѣчательны не въ художественномъ отношеніи, а болѣе какъ слабые матеріалы для изученія народнаго быта. (NB: это значитъ: вотъ, дескать, еще тебѣ гостинецъ, г. Кулишъ — раскусывай!...)

Каждый человѣкъ дорожитъ своими мнѣніями и каждый стремится заявить ихъ міру, конечно не изъ одного *авторскаго самолюбія*, но и потому, что дѣствительно убѣжденъ въ истинности этихъ мнѣній и жаждетъ торжества истины. Въ обществѣ молодомъ такое стремленіе чрезвычайно легко беретъ верхъ надъ разумностью и, естественно, отличается мелочностью, легкомысліемъ и ѣдкостью; каждый здѣсь стремится скорѣе выкрикнуть все то, что «ему вътеръ на ротъ наноситъ», какъ говорилось встарину, — и проникается страшною нетерпимостью ко всему что не по немъ, что «ему не по нраву». Чѣмъ менѣе талантливъ дѣатель такого времени, тѣмъ онъ мелочнѣе и злѣе. О состояніи нашего общества мы уже говорили. въ первой статьѣ. Москвичи, еслибы они сами менѣе страдали тою же немощью молодости, всенепремѣнно увидѣли въ этомъ ясное доказательство исторической неспособности хохловъ къ государственной жизни; но... впрочемъ здѣсь не о томъ рѣчь! Дѣйствительно, страстностью во всякой дѣятельности отличаются Южане отъ Сѣверянъ и современные южнорусскіе дѣатели едва-ли много уступятъ даже зрѣлымъ Сѣверянамъ въ *богатырскомъ* уваженіи сво-

ихъ личныхъ мнѣній, въ нетерпимости и въ *свободѣ слога*, сирѣчь въ бранчивости. По-крайней-мѣрѣ мы можемъ противопоставить въ этомъ отношеніи хоть кому нашего молодого дѣтеля, г. Шейковского. Онъ, повидимому, обладаетъ такимъ славолюбіемъ, такъ горячо стремится скорѣе высказать свои мнѣнія и взгляды, такъ уважаетъ ихъ, что готовъ принести имъ въ жертву не только достоинство своего труда и, стало быть, общую пользу, которую онъ доставилъ бы скорѣйшимъ изданіемъ всего своего словаря, но даже что-нибудь большее.

Дѣло само за себя говорить лучше.

Авторъ »Быта Подолянъ и Опыта словаря« давно уже смотритъ на г. Кулиша, какъ на злѣйшаго (по направленію, конечно) своего врага, и считаетъ своею священною обязанностию свергнуть этого идола съ незаслуженнаго имъ пьедестала. Ну, и свергай и рази его: — это похвально! Но, во-первыхъ, не ломай стулья, не наноси убытка казнѣ, будь порядочнымъ джентльменомъ, а не разгульнымъ богатыремъ съ его свободою слога, уважай общественную собственность — человѣческую личность, и во-вторыхъ, если разить врага правды и истины, то, само собою разумѣется, рази его, а не себя, — такъ приказываетъ и разсудокъ и чувство самохраненія; г. же Шейковский — вмѣсто того, чтобъ наносить удары врагу — на каждомъ шагѣ безжалостно поражаетъ самого себя: пускаетъ противъ г. Кулиша ни съ чѣмъ не сообразныя эпитеты, бездоказательныя приговоры и неосновательныя мнѣнія, читая которыхъ г. Кулишъ и каждый читатель вспомнить выраженіе: «чего воно тамъ разгавкалось!» — Приятно ли кому бы то ни было достигать такихъ результатовъ отъ своихъ усилій?...

Въ № 1-мъ »Основы« объявлено было, что г. Кулишъ готовитъ къ изданію словарь. Тотчасъ антагонистъ г. Кулиша, въ 9-мъ № Кіевского Телеграфа, объявилъ, что онъ тоже приступилъ къ печатанію словаря. Прочтя это, г. Кулишъ почелъ за лучшее уступить г. Ш—скому званіе перваго по времени лексиколога и приостановить изданіе своего словаря, о чемъ заявилъ во 2 № Основы: «можетъ быть, словарь г. Шейковского сдѣлаетъ мой трудъ излишнимъ; если же этого не случится, то безъ сомнѣнія, онъ будетъ важнымъ для меня вспоможеніемъ при окончательной обработкѣ моего словаря. Во всякомъ случаѣ — заключаетъ онъ — отъ души радуюсь предпріятію г. Ш—каго и дружески привѣтствую его на новомъ, для насъ обоихъ, поприщѣ». Г. Ш—скій выписываетъ въ своемъ »Опытѣ« этотъ привѣтъ г. Кулиша, называя его курьезнымъ quasi-сочувствіемъ и сопровождая такими комментаріями: «Ну

къ чему такая скромность! Для г. Кулиша это не новое поприще: онъ заявилъ себя словарчикомъ при *Черной Радѣ*, гдѣ между прочимъ есть слѣдующее объясненіе слова *псяюха*, будто это значить *собачье ухо* (?!), а не собачья кровь, какъ бы слѣдовало (1)... Я надѣюсь, — продолжаетъ г. Ш., — что сравненіе этихъ словарей (т. е. словаря г. Шейковского и г. Кулиша) между собою рѣшитъ многое! Но г. Кулишъ, по какой то *хитрости* или *трусости* (не знаю, какъ назвать это), пріостановилъ свой трудъ, и т. д.

Такое важное примѣчаніе занимаетъ въ книгѣ г. Ш.—каго почти цѣлую страницу.

На-сколько умѣстны подобныя замѣчанія, на-сколько позволителенъ подобный тонъ (мы не говоримъ, въ дѣльномъ, ученомъ трудѣ, но вообще) въ литературѣ, предоставляемъ судить читателю, и обратимся къ сущности этого дѣла.

Г. Ш.—скій видимо торопился скорѣйшимъ изданіемъ въ свѣтъ своего словаря, — доказательствомъ этому можетъ служить самый словарь его — собраніе и объясненіе словъ и вообще наборъ матеріаловъ. Мы не сомнѣваемся, что г. Ш.—скій обладаетъ несравненно бѣльшимъ количествомъ матеріала и способенъ вести работу гораздо осмотрительнѣе и съ бѣльшею обдуманностью, чѣмъ представляетъ намъ это его «Опытъ». Обсудивши дѣло спокойно, не торопясь, онъ конечно много пополнилъ бы свой словарь дѣломъ, не сталъ бы пихать въ него все, что ни попалося подъ руку; лучше обдумалъ бы планъ своего «Опыта» и легко сообразилъ бы, что отъ *русинъ* и *русины*, г. Левченко, какъ и всѣ другіе писатели, правильно производить прилагательное *русинскій*, а не *русскій*, — какъ хочется г. Ш.—скому. Впрочемъ, самъ авторъ «Опыта» въ примѣчаніи своемъ, направленномъ противъ прівета г. Кулиша, откровенно признается, что объявленіе послѣдняго о приготавливаемомъ имъ словарѣ вызвало въ немъ еще болѣе сильное желаніе ускорить изданіе своего «Опыта». Не беремся судить, что побудило г. Ш.—скаго черезчуръ торопиться изданіемъ своего труда — точно

(1) Г. Ш.—скій при этомъ, неизвѣстно почему, забываетъ то, что *псяюха* только для поляка имѣетъ значеніе «пся крѣв», собачья кровь; южноруссъ же соединяетъ съ этимъ словомъ совсѣмъ иное понятіе и скорѣе видитъ въ *псяюхѣ* — собачье *ухо*, или просто увеличительное слово отъ *псюка*, чѣмъ собачью кровь, — подобно тому, какъ г. Ш.—скій въ словѣ *бурда* видитъ только *невкусное питье*, или кушанье.

ли желаніе представить свой словарь рядомъ съ словаремъ г. Кулиша, для того, чтобы — «сравненіе ихъ рѣшило многое,» или просто желаніе явиться первымъ малороссійскимъ лексикографомъ — сначала по времени, издавши одинъ или два выпуска а, потомъ, когда другіе издадутъ полные словари, и по качеству? Мы можемъ только сказать, что, судя по первому выпуску, трудъ г. Ш—скаго совершился слишкомъ торопливо (при соревнованіи же первое дѣло не время, а качество), что г. Ш—скій, *не располагая средствами* для изданія полного словаря, по необходимости (какъ онъ самъ говоритъ) долженъ приступать къ изданію *слѣдующаго выпуска только по распродажѣ предыдущаго*, и что наконецъ въ объявленіи (на оборотѣ книги) говорится имъ слѣдующее: «Первый томъ можетъ выйти въ теченіе 1862 года только въ такомъ случаѣ, если къ 1 февраля 1862 г. будетъ по крайней мѣрѣ 100 подписчиковъ на цѣлый томъ. Въ противномъ случаѣ, изданіе словаря.... *будетъ прекращено* и деньги будутъ возвращены подписчикамъ».

Что же это значить? Почему такой короткій назначенъ срокъ? Вѣдь земля наша широка и обильна медленностью, а желѣзныхъ дорогъ нѣтъ. 1-й вып. «Опыта» вышелъ въ свѣтъ въ декабрѣ. Въ половинѣ января, въ такомъ городѣ какъ Одесса, даже книгопродавцы еще не знали навѣрное, что «Опытъ словаря» г. Ш—скаго уже изданъ; многіе ожидали рецензій этого словаря, чтобы рѣшить, стоить ли на него подписываться; немногіе имѣли случай приобрести его, — да и скоро ли еще они докоплются до грознаго условія, притаившагося въ концѣ объявленія? Что же за расчетъ назначать такой короткій срокъ? Вѣдь это значить — или совсѣмъ не знать нашей дѣйствительности и воображать себя въ Англіи, да притомъ великимъ дѣятелемъ, за трудами котораго всѣ слѣдятъ, какъ астрономы за кометою, или умышленно подводить публику подъ ответственность въ неисполненіи ею условія и *навѣрняка* рассчитывать на это неисполненіе. Но это еще не все! Чѣмъ объяснить себѣ странное противорѣчіе г. Ш—скаго: въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что можетъ «приступить къ изданію послѣдующаго выпуска только *по распродажѣ предыдущаго*» а въ «объявленіи» (въ той же книгѣ), предписавши неисполнимое условіе, говоритъ: «въ противномъ случаѣ (если до 1-го февраля не будетъ 100 подписчиковъ) *изданіе словаря.... прекращается*». Это значить, что г. Ш—скій прямо желаетъ ограничиться однимъ первымъ выпускомъ своего «Опыта». «Нехай воно и такъ буде!» хотя нельзя не пожалѣть, что мы лишимся возможности

пользоваться его почтеннымъ трудомъ. — Но и этого еще мало: «вольному-воля, спасенному-рай:» — хочеть г. Ш — скій, издавай свой «Опытъ;» не хочеть — не издавай, сваливай даже вину на общество, или не сваливай — «все отпустится тебѣ, говоритъ святое писаніе, но хула на Духа не отпустится,» а такую хулою нельзя не почестъ слѣдующія слова г. Ш — скаго: «въ противномъ случаѣ (если до 1-го февр. не будетъ 100 подписчиковъ), изданіе словаря, какъ дѣло не *своевременное* и не сообразное съ потребностями и развитіемъ южнорусскаго народа, будетъ прекращено,» и т. д. По моему мнѣнію, это значитъ не только сваливать вину съ больной головы на здоровую, но *ложно* обвинять общество въ неразвитости, незрѣлости и въ отсутствіи сочувствія къ разработкѣ родной почвы, т. е. оправдывая себя, клеветать на общество, мало еще намъ извѣстное. Неусѣхъ нашего труда, кажется, всего естественнѣе объяснять тѣмъ, что трудъ нашъ дуренъ, недостаточенъ или мало полезенъ для современной мысли. Тѣмъ болѣе это можно сказать относительно такого труда, какъ словарь мало извѣстнаго языка: имъ интересуются не одни «любители роднаго слова» или Малороссіи, а всякій образованный человѣкъ и самая наука. Еслибы подобный трудъ Як. Гримма потерпѣлъ неусѣхъ, то и Як. Гриммъ (человѣкъ, впрочемъ, въ высшей степени скромный) просто объяснилъ бы дѣло тѣмъ, что трудъ его дуренъ; ему и въ голову не приходило бы считать себя Галилеемъ или обвинять общество въ недозрѣлости: въ наше время такія мысли могутъ приходить только людямъ слишкомъ недозрѣлымъ, не выработавшимся, надутымъ, или безталаннымъ, всегда любящимъ считать себя въ положеніи какой-то «непризнанной индѣйки».

Зная по усерднымъ трудамъ г. Ш — скаго, какъ онъ занятъ Малороссіею, а стало быть, какъ онъ любить ее, мы не допускаемъ мысли, чтобы все сейчасъ указанное нами, было дѣломъ умысла и хитрости; мы объясняемъ все это тѣмъ же самымъ, чѣмъ объясняли мы недостатки въ планѣ и въ составѣ его словаря, т. е. горячностью, поспѣшностью и не полною обдуманностью. Эти качества такъ обыкновенны въ наше время, что мы смотримъ на нихъ не безъ нѣкотораго даже сочувствія, хотя и считаемъ своимъ долгомъ указывать и на дурныя ихъ послѣдствія. Быть можетъ, и въ самихъ этихъ указаніяхъ зоркій глазъ найдетъ немало погрѣшностей и необдуманностей, — но что же дѣлать! мы всею душою стремимся къ добру, къ свѣту и истинѣ, да прямой къ нимъ дороги не знаемъ. Надѣюсь, что г. Ш — скій не отвергаетъ эту истину за ея почтенныя лѣта, и потому не приметъ откровенно-высказанныя на-

ми мнѣнія о его трудѣ за недоброе желаніе во что бы то ни стало преслѣдовать его, придираться къ мелочамъ и чернить его честный трудъ; надѣюсь тѣмъ болѣе, что я на-столько же сторонникъ г. Кулиша, на-сколько сторонникъ и г. Ш—скаго, и г. Закревскаго, и всѣхъ стремящихся къ одной и той же благородной цѣли.

А. Л. Гатцукъ.

1 февраля 1862.

Одесса.

О ПРАВОПИСАНІЯХЪ.

заявленныхъ Украинскими писателями съ 1834 года
по 1861 г.

Audiatur et Altera pars.

Въ краткой замѣткѣ *»о Малорусскихъ азбукахъ«* помѣщенной въ литературномъ отдѣлѣ Моск. Вѣд. (№ 180-й), г. А. Т...ий, проходя перечнемъ сдѣланное до сихъ поръ для малороссійскаго народа, относительно средствъ къ развитію въ немъ грамотности, и, ограничиваясь, въ некоторыхъ случаяхъ, краткими замѣчаніями, между прочимъ говорить объ изданной мною народной азбукѣ, подъ названіемъ *»Українська Абѣтка:«* »Особенность ея та, что она напечатана славянскими (?) буквами. Г. Гатцукомъ, въ этомъ случаѣ, руководила та мысль, чтобы учащійся могъ лучше *привыкнуть къ славянскимъ буквамъ* и, по изученію азбуки, свободно перейти къ чтенію Псалтыря и др. Но для этого все таки не слѣдовало-бы печатать всей азбуки славянскими буквами, а достаточно помѣстить въ азбукѣ славянскія буквы и нѣсколько страницъ по-славянски. Правда у нашего народа сильно развита любовь къ духовному чтенію, но не мѣшаетъ также развивать въ немъ любовь и къ *гражданскому чтенію.*» Далѣе, упоминая о достоинствахъ моей азбуки, прибавляетъ, что «если-бы она не была напечатана славянскими буквами, то ей было-бы можно отдать предпочтеніе передъ Кулишевой.»

И такъ, по мнѣнію г. А Т...аго, весь недостатокъ моей азбуки заключается въ томъ только, что она отпечатана не гражданскими, а церковно-славянскими буквами, влѣдетвіе чего, я счелъ необходимымъ изложить причины побудившія меня поступить не такъ, какъ поступаютъ другіе.

Передъ изданіемъ моей азбуки, я прежде всего старался тщательно рассмотреть самые необходимые къ тому вопросы: *какъ-бы проще и удобнѣе проложитъ учащемуся наиболѣе легкій путь къ изученію грамоты, и какими именно буквами — шрифтомъ и орфографіей должно печатать народныя учебники?* — Въ удачномъ и вѣрномъ разрѣшеніи этихъ вопросовъ неоспоримо заключается главнѣйшее условіе для каждой азбуки.

Живши долгое время въ кругу народа самую близкою къ нему жизнью, въ одной семьѣ и въ одной избѣ, раздѣляя съ нимъ все и сливаясь съ нимъ въ одно, общее всеѣмъ, значеніе человека, — я могъ удобно наблюдать и замѣчать духовную жизнь украинца и ея потребности. А потому не могъ не обратить вниманія на то обстоятельство, съ какимъ уваженіемъ народъ смотритъ на всякую вообще книгу церковной печати, съ какою любовью и заботливою бережливостью сохраняется она, если пріобрѣтается семействомъ, хотя-бы даже никто въ этомъ семействѣ не умѣлъ прочитать изъ нея строчки; и, хотя бы въ этой книгѣ излагались напимѣръ славные подвиги *«сильно-могучаго богатыря Бовы Королевича,»* не говоря ужъ о множествѣ духовныхъ произведеній, выходящихъ изъ монастырей и сильно распространенныхъ въ народѣ, какъ въ рукописяхъ, такъ и печатно. Эти произведенія всегда принимались и нынѣ принимаются за непреложную истину и святость.

Причины тому заключаются въ тѣхъ-же самыхъ началахъ, на основаніи которыхъ суздальская смѣтливость печатала и печатаетъ свои лубочныя сказки церковнымъ шрифтомъ, а Кіевская Лавра свои буквари и сказанія о святыхъ, когда гражданскій шрифтъ былъ уже общепотребителенъ и въ украинскомъ обществѣ и между украинскими писателями. Это было не такъ давно, да и теперь дѣлается какъ дѣло благоразумія, ненарушающаго естественнаго хода вещей.

Нерѣдко мнѣ случалось быть свидѣтелемъ, какъ отецъ-поселянинъ желая дать возможность своему сыну изучить грамоту, и не умѣя самъ читать, отыскивалъ на ярмаркахъ всеѣмъ извѣстные кіевскіе *буквари*, успѣвшіе въ теченіи 150-ти лѣтъ пріобрѣсть въ народѣ такую славу, что въ годъ ихъ расходилось, какъ мнѣ извѣстно изъ справокъ, по этому случаю, въ Лаврѣ, до 80 тыс. экземпляровъ и даже болѣе. Узнавалъ онъ этотъ букварь и покупалъ его, потому что или видѣлъ его у своего кума и кумъ похваливалъ букварь, или самъ учился по нѣмъ, да не давалась ему грамота, или-же потому, что и на нѣмъ,

какъ на каждомъ украинцѣ, отразилось то обаятельное вліяніе священной печати (святого писанія) которое вѣками и постепенно проникало въ народъ. Когда случалось, что услужливый *ходебицкѣ* Суздальецъ или Ярославецъ предлагалъ поселянину свою *книжицу* »*Распѣвную азбуку*«, называя вообще такой товаръ »*Грамоткой*«—то, посмотрѣвъ на эту *книжицу*, благочестивый отецъ отводилъ руку Суздальца, приговаривая: *це не наше!* и, перевѣртывая въ рукахъ какую либо другую *книжицу-грамотку*, отыскивалъ заветнаго букваря. По этимъ—то букварямъ, до 1825 года, почти все въ Украинѣ, желающіе и нежелающіе, учились грамотѣ, а въ числѣ ихъ и мы грѣшные,—(большинство народа продолжаетъ по нимъ учиться и до сихъ поръ), пока не нахлынули съ сѣвера лубочныя *книжицы*, съ успѣхомъ вытѣсняемые промышленными *ходебичиками* на »*щетки*« да на разный прасольскій товаръ и не распространились такимъ образомъ въ нашемъ народѣ, по сию сторону Днѣпра, подъ общимъ названіемъ »*Грамотки*.« Эти—то *грамотки* особенно были распространены въ послѣднее время въ Черниговской и Харьковской губерніяхъ, какъ главномъ операціонномъ пунктѣ суздальскихъ промышленниковъ—*офеней*. Потому и неудивительно, что онѣ приобрѣли въ народѣ такую популярность, и что языкъ, въ этихъ губерніяхъ, не только по городамъ, но, даже, и по селамъ, значительно испортился; впрочемъ, въ этомъ случаѣ достаточно способствовали весьма многіе и изъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Вотъ причины, поставившія меня въ необходимость предпочесть шрифтъ *церковно-славянскій*, а не славянскій, какъ говорить г. А. Т...ій; славянскаго шрифта нѣтъ, какъ нѣтъ и не можетъ быть славянскаго языка—единого, общаго: есть только *обще-церковный славянскій* шрифтъ, который я и предпочелъ, въ-особенности *старо-киевскій*, какъ болѣе извѣстный и уважаемый въ народѣ.

При разрѣшеніи другаго вопроса о томъ, какое именно, при церковно-славянскомъ шрифтѣ, должно быть правописаніе? — я руководствовался слѣдующими данными: Такъ какъ древнія писанныя *Коурилиці* и вышеозначенные буквары писались и печатались исключительно полнѣйшею церковно-славянскою азбукою, со множествомъ знаковъ надъ буквами и со всеми титуловыми сокращеніями въ словахъ, то учащемуся предстоялъ тяжелый трудъ къ усвоенію правилъ чтенія; тѣмъ болѣе, что въ этихъ учебникахъ, и особенно въ печатанныхъ въ позднѣйшее время букваряхъ, рѣшительно не было ни од-

ного народнаго слова; многіе знаки надъ буквами не имѣли смысла; между строчными встрѣчались такіа буквы, которыхъ вовсе не обозначалось въ азбукѣ или на оборотъ—въ азбукѣ упоминались тѣ, которыя весьма рѣдко употреблялись въ словахъ; къ довершенію же всего не было соблюдено въ орѳографіи никакой послѣдовательности и разумной системы. А потому учащіеся не выучивали, а, вѣрнѣе, *вымучивали* жалкія свѣдѣнія въ грамотѣ; нерѣдко случалось, что учащійся, встрѣчая непреодолимые затрудненія, ожесточался и прекращалъ бесплодный трудъ.

На этомъ основаніи, придерживаясь, какъ уже сказано, церковно—словянскаго шрифта, я старался привести нашу древнюю орѳографію, образовавшуюся въ слѣдствіе фонетическихъ свойствъ и законовъ нашего языка, въ самую простѣйшую систему, сохранивъ въ ней не болѣе трѣхъ знаковъ, какъ безусловно-необходимыхъ и характеристическихъ, о чемъ я и упомянулъ въ предисловіи своемъ къ азбукѣ.

Принимая въ уваженіе, что украинцу равно было затруднительно и, даже, дико какъ въ букварахъ, такъ и въ *граматкахъ* разбирать и заучивать слова, совершенно ему чуждыя и вовсе непонятныя,—я рѣшился ограничиться въ своей азбукѣ текстомъ исключительно народнымъ, чтобы тѣмъ еще болѣе облегчить учащагося. На основаніи такихъ соображеній, я, безъ сомнѣнія, долженъ былъ не только предпочесть *церковно-словянскій шрифтъ и древнюю кievскую орѳографію* для народнаго руководства, въ—особенности для начальнаго учебника,—но, даже, въ размѣрахъ и формѣ книги старался подражать старымъ образцамъ, давно знакомымъ народу. Сожалѣю, что нѣкоторыя мѣста, въ своей азбукѣ, не обозначилъ киноварью и далъ названіе ей,—отчасти только извѣстное народу (Абѣтка), а не популярное древне *»Кириллиця»*; но первое гораздо опредѣлительнѣе. Насколько я успѣлъ въ своемъ дѣлѣ—пусть судятъ другіе; но я убѣжденъ, что какъ церковно-словянскій шрифтъ освященъ въ народѣ вѣками, такъ и церковно-словянская азбука вѣрно и вполне удовлетворяетъ характеристическимъ свойствамъ каждаго изъ словянскихъ языковъ и нарѣчій, а слѣдовательно и нашего,—только надобно ограничиться въ ней тѣмъ именно, что прямо соответствуетъ характеристикѣ языка:—тогда она послужитъ самымъ дѣйствительнымъ, основнымъ и легчайшимъ ключемъ къ начальному образованію народа; тѣмъ болѣе, что этой *Кириллицей* писаны и печатаны всѣ наши древнія лѣтопи-

си и акты, заключающіе въ себѣ жизнь и бѣдственные судьбы нашего народа. А потому справедливей было-бы намъ, вмѣсто легкомысленнаго пренебреженія къ законному факту, сроднившемуся съ народомъ, стараться не выходить изъ колеи нашей литературной послѣдовательности и не навязывать народу, въ такомъ важномъ дѣлѣ, непризнаннаго нововведенія, ему вовсе незнакомаго. Всему должна быть своя постепенность; всякія въ этомъ случаѣ насильственные мѣры и неестественные скачки только вредятъ разумному дѣлу, затрудняя развитіе народа и грозя чистотѣ его языка. Это фактъ уже испытанный, доказанный и свидѣтельствующій самъ за себя.

Что касается до нашей повсемѣстной, общей, такъ-называемой *гражданской* азбуки и *гражданской* орфографіи, то изученіе послѣдней на столько же затруднительно для нашего народа, какъ и общей церковно-славянской. Она постоянно идетъ въ разладъ съ говоромъ народнымъ; присутствіе въ ней *ы*, какъ необходимаго для языка великорусскаго, сильно способствуетъ къ огрубленію нашего южнаго—мягкаго; употребленіе буквъ: *і*, *и*, *ѣ*, *е*, *э*, и *у*, какъ неимѣющее филологическаго основанія, не только намъ, но и великоруссамъ, весьма затруднительно и сбивчиво. Главнѣйшій же недостатокъ этой азбуки и правописанія заключается именно въ излишествѣ совершенно напрасныхъ буквъ и въ отсутствіи нѣкоторыхъ знаковъ, безусловно-необходимыхъ по требованіямъ живой народной нашей рѣчи. Къ тому-же, великорусская азбука и правописаніе, усвоивъ себѣ особенности, болѣе удовлетворяющія великорусскому языку, во многихъ случаяхъ контрируютъ украинскому, въ ущербъ его характеристики. (См. письмо г. Куцаго, помѣщенное въ № 24 Русскаго Вѣстника за 1859 годъ)—А потому естественно, что каждый изъ нашихъ простолюдиновъ, выучившійся грамотѣ по великорусскимъ *граматкамъ*, немилосердно ломаетъ украинскій языкъ.

Итѣя въ виду только единственную пока у насъ—общую гражданскую азбуку, я не понимаю, о какой еще другой гражданской азбукѣ или гражданскомъ письмѣ, печати, упоминаетъ г. А. Т....ій въ своей замѣткѣ?

Если г. А. Т....ій приписываетъ право гражданства, какъ по словамъ его надобно догадываться, орфографіи, удержанной г. Кулишомъ, въ изданной имъ для народа «*граматкѣ*» и въ издающихся для народнаго чтенія книжкахъ, на томъ только основаніи, будто-бы она болѣе распространена между *публикою и украинскими писа-*

тремя,—то г. А. Т...ий долженъ былъ взять въ соображеніе, что публика украинская и народъ давно и до то шли въ разладъ другъ съ другомъ; публика приняла весьма многое въ ущербъ своей народности, пренебрегая роднымъ языкомъ; публика скоро и легко принимаетъ всякую, даже нелѣпую, новость, если она только льститъ или нравится ей; а народъ всегда былъ строгій консерваторъ и, вообще, не скоро поддается нововведеніямъ. Притомъ, если эта орфографія сдѣлалась болѣе извѣстною публикѣ (надобно разумѣть тѣхъ читателей, которые приобрѣли грамотность помощью руководствъ велико-русскихъ)—то слѣдовало бы сказать, что она давно уже извѣстна ей, потому что за исключеніемъ только буквъ *ль* и *ы*, она совершенно та же обще-гражданская. Такъ—какъ эту орфографію легче всего было примѣнить къ средствамъ, имѣющимся въ каждой типографіи, что и сдѣлалъ г. Кулишъ при устройствѣ своей, то все, присылаемыя къ нему оригинальныя и записанныя отъ народа украинскія произведенія, были печатаны не иначе, какъ заведенными имъ средствами, не требующими большихъ расходовъ; чего также стала придерживаться и редакция журнала «Основы», съ справедливою впрочемъ оговоркой: «что она предпочла эту орфографію, какъ наиболѣе доступную большинству читающихъ». Все это хорошо—на своемъ мѣстѣ; но дѣйствительно—ли такая орфографія вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ нашего языка и, дѣйствительно—ли мы можемъ себя наконецъ поздравить, что достигли давно—желаннаго и насущнаго для насъ дѣла? Это еще вопросъ, требующій внимательнаго и научнаго обсужденія.

Относительно другихъ отдѣльныхъ изданій, отпечатанныхъ до-сего въ Кіевѣ, Львовѣ, Харьковѣ, Черниговѣ, Москвѣ и, даже, за границей — въ Лейпцигѣ и Брюсселѣ, — то мы не видимъ, чтобы въ нихъ господствовала орфографія, о которой говоритъ г. А. Т...ий, какъ—бы о приобрѣтшей уже гражданство. Да иначе и быть не можетъ: факты ясно говорятъ за себя и свидѣтельствуютъ, что у насъ въ правописаніи все еще пока вольное поле и, долго еще, будутъ на немъ безъ пути разгуливать, пока не сознается истина: что все то хорошо, разумно и крѣпко, чему есть корень въ народѣ, что прямо соответствуетъ его требованію и духу; или, пока не сознаемъ мы, что всякое, по личному произволу предлагаемое правописаніе, тѣмъ болѣе не основанное на точныхъ законахъ языка, не можетъ приобрести права гражданственности, развѣ, пожалуй, по *щучьему веленью*; но, слава Богу, сказочное время навсегда миновало.

Касаясь вопроса, такъ живо интересующаго каждаго украинца, преданнаго дѣлу изученія роднаго языка, я приступаю къ болѣе подробному разсмотрѣнію его не потому, чтобы изданная мною азбука особенно *побуждала меня защищать своё дѣло* хотя и съ этой стороны было-бы возможно, потому что есть основаніе; и не потому что мы, до настоящаго времени, имѣемъ нѣсколько ороографій, заявленныхъ по разнымъ отдѣльнымъ изданіямъ;—нѣтъ:—чѣмъ насъ будетъ больше, тѣмъ скорѣе и, даже, самъ-собою уяснится одинъ изъ важнѣйшихъ для насъ вопросовъ;—а потому, что, въ настоящее время, начали заявлять ороографіи не какому либо извѣстному кругу читателей, какъ это было прежде, а всему нашему народу, для чтенія котораго распространяются книжки, съ произвольнымъ присвоеніемъ для нихъ какъ шрифта, такъ и ороографіи, и тѣмъ, естественно, начали вводить многихъ въ заблужденіе.

Вотъ-что заставляетъ меня подробнѣе поговорить о нашихъ ороографіяхъ вообще и въ-особенности о той, которая произвольно удержана въ издающихся для народнаго чтенія брошюркахъ; а потомъ, отдѣльною статьею, поговоримъ и о содержимомъ въ этихъ брошюркахъ текстѣ, какъ дѣлѣ, касающемся всего нашего народа. Я полагаю, что каждый ревнитель пользы народныхъ обязанъ сказать о томъ своё искреннее мнѣніе.

Начнемъ съ давно-минувшихъ дней, съ преданья старины глубокой, и разсмотримъ постепенное измѣненіе правописанія въ его историческомъ ходѣ.

Первоначальное явленіе славянскихъ письменъ, какъ надобно предполагать, было въ Македоніи, Панноніи и Моравіи. Солунскіе братья Кириллъ и Меодій, при помощи начертаній, бывшихъ тогда у разныхъ восточныхъ народовъ и славянскихъ *чертъ* и *ръзъ*, какъ свидѣтельствуемъ черно-ризецъ Храбръ, составили особыя письмена, давъ имъ нѣсколько опредѣленную систему и примѣнивъ ихъ къ *книгописанію*, подъ названіемъ «*Словѣньскаѧ азбука*», получившая въ послѣдствіи названіе «*Глаголицѧ*» — что и дало тогда возможность великимъ дѣателямъ перевести нѣкоторыя книги на славянскій языкъ: Псалтырь, Апостолъ, Евангеліе и др. Въ послѣдствіе времени, св. епископъ *Климентъ* Великій, изъ Болгаріи, съ помощію многихъ соотрудниковъ, своихъ единомысленцевъ, вмѣсто усовершенствованія бывшей уже «*Глаголицы*» совершенно измѣнилъ её по образцу греческой азбуки, дополнивъ притомъ недостававшія въ ней іотаціи гласныхъ

буквъ; и, такимъ образомъ, составилъ ново-словацкую, получившую названіе «*Коурилиціа*» (*). Эта новая письменность въ особенности начала распространяться и вытѣснять глаголическую со времени покоренія греками Болгаріи и, тогда же, при перепискѣ книгъ глаголическихъ новою азбукой, началъ значительно измѣняться и характеръ текста глаголическаго; потому что Болгаре, пришедшіе, какъ извѣстно, съ далекаго сѣвера и занявши мѣста по Дунаю, не успѣли еще измѣнить своего сѣвернаго акцента и особенности говора, во многомъ такъ разнствовавшего съ большинствомъ говоровъ остальныхъ Словянъ, искони жившихъ на Югѣ.

Такъ-какъ первыми просвѣтителеми большинства Словянъ были Греки, то, съ распространеніемъ ими между славянами Христіанства,—распространялись преимущественно и новыя письма, какъ болѣе имъ близкія, вмѣстѣ съ переводами главнѣйшихъ священныхъ книгъ, принявшихъ исключительно текстъ болгарскій, а не прежній, что ясно свидѣлствуютъ намъ оставшіеся памятники бывшаго новаго періода письменности (**)—Долго еще эта письменность была достояніемъ весьма немногихъ и, какъ священная, тщательно сохранялась неизмѣнно. Но, въ послѣдующіе вѣка, при большемъ распространеніи религіозныхъ идей въ народѣ и потребности чтенія, когда явилась и болѣе настоятельная необходимость въ учебникахъ, тогда, освобождаась изъ своей сферы, письменность начала, по естественному порядку вещей, исподоволь примѣняться къ живому слову народностей; — тогда, при помощи извѣстныхъ уже знаковъ, народъ, безъ труда, удовлетворялъ фонетическимъ требованіямъ своего языка. Такъ было и у насъ. Пока письменность составляла исключительное достояніе церкви и находилась въ своей замкнутой обще-церковной, т. е. Болгаро-Моравской формѣ, она не могла быть измѣняема, какъ священный элементъ, шедшій совершенно отдѣльною параллелью въ бытѣ народномъ. Изученіе этой письменности, не имѣвшей правильной системы, основанной на зако-

(*) Вопросъ о томъ, какая азбука—глаголическая или кирилица—появилась раньше, еще не рѣшенъ. Извѣстный славянистъ, А. О. Гильфердингъ, въ статьѣ своей «Кириллъ и Меѳодій» (см. газету *День*), рѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу кириллицы. *Ред.*

(**) Предѣлы литературной статьи пренятствуютъ мнѣ дѣлать выписки Глаголическихъ и Болгарскихъ текстовъ необходимыхъ для сравненія, а также и помѣстить полнѣйшую церковно-словацкую азбуку, съ примѣненіемъ къ ней всѣхъ знаковъ; тѣмъ болѣе, что эта статья предназначается собственно для «Основы.»

нахъ филологин, было сбивчиво и весьма затруднительно для народа; тѣмъ болѣе, что учебники были писаны словами или совершенно чуждыми народу, или, по своему складу, неудобопонятными. Въ слѣдствіе этого, вездѣ, и у насъ, геній народный, освобождаясь мало-по малу отъ сдвливавшихъ его чуждыхъ формъ, началъ подчинять данные ему для письма знаки своимъ законамъ, примѣняясь къ фонетическимъ свойствамъ родного языка, и, такимъ образомъ, проявилъ свою орографію, придерживаясь главнаго основанія (да иначе и быть не могло) писать родныя слова такъ, какъ онѣ выговариваются. Это самый естественный путь и, притомъ, самое лучшее средство дать мѣртвому письму живую форму, безъ которой оно непремѣнно, на многіе вѣка, останется въ положеніи *statu quo*, и тѣмъ лишитъ потомство возможности опредѣлить звуковое состояніе языка въ данный періодъ времени; — ибо форма будетъ всегда одна и таже.

Понятно, что эта орографія, явившаяся вслѣдствіе требованій свойствъ языка, вначалѣ была смѣшиваема съ прежнею и тѣмъ, еще болѣе, увеличивала затрудненія учащагося, потому что, въ писанныхъ тогда учебникахъ, всегда начинавшихся съ молитвъ и заповѣдей, продолжала удерживаться старо-болгарская, съ ея непонятнымъ текстомъ; а въ приложеніяхъ къ нимъ и наставленіяхъ юношеству, гдѣ языкъ сближался нѣсколько съ народнымъ, примѣнялась и соответствовавшая тому орографія. Слѣдовательно, для полнаго облегченія учащагося, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и скорѣйшаго распространенія грамотности, оставалось только привести заявившую себя орографію въ болѣе правильную систему, соответствующую свойствамъ языка, что, вѣроятно, и было-бы исполнено, если-бы обстоятельства не препятствовали естественному ходу развитія грамотности въ народѣ. Нельзя не упомянуть, что такое благотельное направленіе письменности, свидѣтельствовавшее о движеніи и развитіи живого слова, началось у насъ со времени общенія нашего съ западными Словянами, а, тѣмъ болѣе, съ совершенно намъ тождественными по языку и быту народному—*Галичанами*. Изъ немногихъ, уцѣлѣвшихъ до нынѣ памятниковъ того періода, писанныхъ украинцемъ, а не стѣверяниномъ, можно легко видѣть заявленіе народныхъ элементовъ нашего Юга. Впослѣдствіи времени, когда движеніе гражданственности на Югѣ было остановлено, и когда новыя формы новой жизни начали вѣдряться въ нашемъ обществѣ, — шрифтъ и правописаніе у насъ были приведены Петромъ I-мъ къ одному общему знамену.

телю, получившему названіе «гражданскаго» въ отличіе отъ церковно — словянскаго (старо — болгарскаго). Тогда, съ перепечатаніемъ нашихъ церковныхъ книгъ по нормѣ, указанной Московскою митрополіей, явилась у насъ другая церковная орѳографія, т. е. снова *первобытная*, съ примѣненіемъ впрочемъ нѣкоторыхъ, бывшихъ у насъ знаковъ, а также и *букварь* для народа, къ изученію котораго предстояли непреоборимыя препятствія; а потому распространеніе грамотности и развитіе народнаго языка у насъ надолго были остановлены. Древніе учебники, переписываясь въ народѣ, мало-по-малу наполнялись приложеніями, заключающими въ себѣ краткую энциклопедію тогдашней премудрости людской, — они были живыми представителями степени развитія народа. Но, съ появленіемъ *Букваря*, отпечатаннаго, по повелѣнію Петра I-го, въ сжатой сухой болгаро-моравской или церковно-словянской формѣ, и при значительномъ его распространеніи въ народѣ, помощью духовенства, — писанные учебники постепенно прекращались и, со временемъ, совершенно уничтожились; а съ ними остановилось и движеніе мысли въ народѣ.

Съ того времени у насъ явилось, вмѣсто одной общей орѳографіи *Старо-Кіевской*—еще двѣ: одна первобытная *Старо-Болгарская*, съ непонятнымъ народу текстомъ, отъ котораго такъ долго старалось освободиться живое слово; а другая—*Гражданская*, составленная по очертаніямъ Латинской азбуки, которой народъ продолжаетъ чуждаться и донынѣ. (*) — О несостоятельности двухъ послѣднихъ орѳографій я говорилъ прежде и, снова повторяю, что онѣ весьма затруднительны и неудобоприложимы къ естественному и правильному развитію нашего народа. Вѣковой опытъ краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуетъ намъ, какъ, подъ вліяніемъ этихъ письменностей, несоотвѣтствующихъ требованіямъ и свойству роднаго языка, медленно шло развитіе грамотности въ народѣ.

Сознавая вполне приведенный фактъ и его неблагопріятныя послѣдствія, въ-особенности когда народная наша рѣчь начала пробуждаться изъ своего долгаго усыпленія и заявлять себя въ литературѣ, — нѣкоторые изъ специалистовъ въ дѣлѣ роднаго языка начали разновременно предлагать читающей публикѣ новыя системы орѳографіи, стараясь

(*) У насъ, задолго до того, была уже извѣстна народу и уважаема имъ *Старо-Львовская*, значительно округленная и приспособленная къ скорописи.

примѣняться въ нихъ къ свойствамъ и требованіямъ родного языка. Къ болѣе замѣчательнымъ изъ нихъ принадлежатъ системы гг. *Максимовича*, *Боровиковскаго*, *Метлинскаго*, *Кулиша*, *Куцога* и *Шейковскаго*. Разсмотримъ основанія каждой изъ нихъ (*).

Г. Максимовичъ — филологъ и отличный знатокъ основъ украинскаго языка — первый указалъ на многіе его оригинальныя и характеристическія особенности, заявивши о томъ въ своемъ «*Замѣчаніи о правописаніи и словопроишоженіи*» приложенномъ къ изданнымъ имъ въ 1834-мъ году «*Украинскимъ народнымъ пѣснямъ*» — а именно:

«I) Въ Украинскомъ языкѣ любимый гласный звукъ есть *i*, имѣющій два видоизмѣненія: а) *острое*, какъ и въ великорусскомъ языкѣ... и в) *мякое*, болѣе гортанное, склоняющееся къ звуку *э*. (Твердаго великорусскаго *ы* въ украинскомъ языкѣ совѣтъ нѣтъ).

Буква *и* послѣ *гласныхъ* и буква *ь* всегда произносятся *остро*. Такимъ образомъ часто произносятся и прочія гласныя буквы, и въ такомъ случаѣ я, удерживая ихъ, отмѣчаю особымъ значкомъ (паеркомъ).

Въ остальныхъ случаяхъ буквы *ы*, *i*, и (не означенныя паеркомъ) произносятся къ мягкое *i*.

II) Буква *е* въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ выговаривается *остро*; послѣ согласныхъ выговаривается *тврдо*; и тогда только выговаривается какъ *іо*, когда пишется съ двумя точками *ѣ*.

III) Буква *г* произносится чисто, какъ латинское *h* (какъ у Чеховъ, Словаковъ). Иногда она прибавляется въ началѣ словъ къ гласнымъ буквамъ... въ немногихъ словахъ, кажется только иностранныхъ, *г* выговаривается какъ латинское *g*, и въ такихъ случаяхъ можно писать *ги*, либо отмѣчать особымъ значкомъ, по примѣру Сравнительнаго Словаря.

IV) Буква *ѣ* не выговаривается какъ *ф*; она въ особенности по-

(*) Принимая въ соображеніе, что въ редакціи журнала «Основы» нѣтъ полнаго церковно-славянскаго шрифта, а также и литеръ, для точнаго — графическаго изображенія каждой изъ помянутыхъ новыхъ системъ, мы поставлены были въ необходимость значительно сократить изложеніе наше о славянскихъ письменахъ вообще и ограничиться, для выраженія особенностей новыхъ, приблизительно обще-гражданскомъ шрифтомъ; а, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны были пропустить многія выписки, служащія къ большому ихъ опредѣленію и взаимному сравненію.

слѣ гласныхъ, произносится какъ краткое *у*, обращаясь иногда и въ длинное *у*—... Наоборотъ, *у* иногда сокращается и, какъ бы переходить въ *в*. — Часто *в* прибавляется къ словамъ, начинающимся буквою *о*. Часто *в* замѣняетъ букву *л*.

V) Когда послѣ *ль*, *нь*, слѣдуетъ гласная, тогда передъ нею *л* и *н* повторяются, напримѣръ: *зълѣлѣ*, *коханьня*; въ слогѣ *мя* слышно послѣ *м* не только *ь*, но часто *н*, наприм. *имня*... Глагольное окончаніе *тѣя* или *тѣся*, выговаривается *цѣя* или *цѣця*; да и вообще *те* выговаривается какъ *ц*.

VI) Часто *о* выговаривается какъ *у*, напр. *табурѣ*... Иногда *о* скрадывается въ выговорѣ, подобно тому какъ *и* сокращается въ *й*.

VII) Частица *да* выговаривается *та*. »

Правописаніе г. Максимовича имѣетъ основаніе *библейское*, которое онъ предпочелъ, какъ болѣе, по его убѣжденію, употребительное въ Малороссіи, но соглашается, что *Слобожанскій* (Слободжанскій) способъ болѣе простъ и естественъ. Но этотъ способъ, по мнѣнію г. Максимовича, не есть правописаніе. Онъ замѣчаетъ, что къ наибольшему, привычному употребленію ближе всѣхъ правописаніе г. Котляревскаго.

Главнѣйшая особенность орфографіи г. Максимовича состоитъ въ томъ, что слова пишутся основаніи библейскомъ, а чтобы выговаривать ихъ произношеніемъ народнымъ, для этого надъ гласными буквами ставить онъ знаки, долженствующіе обращать гласную букву въ тотъ звукъ, который соответствуетъ народному говору, напр. *кѣнь* жѣна, *хлѣбѣ* и т. д.

Нельзя не согласиться съ вѣрностью взгляда г. Максимовича на индивидуальную сторону нашего языка; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя искренно не пожалѣть, что этотъ филологъ потому только отдалъ предпочтеніе библейскому правописанію, что принимая языкъ нантъ за нарѣчіе, подобно бѣлорусскому (въ то время это ошибочное мнѣніе было господствующимъ)—онъ находилъ болѣе основательнымъ не дѣлать для нарѣчія исключенія въ орфографіи, какъ и вообще для областного нарѣчія, въ которомъ это исключеніе справедливо будетъ «какографіею». Вслѣдствіе чего, не смотря на основательное знаніе законовъ украинскаго языка, г. Максимовичъ уступилъ мнѣнію большинства и, вопреки своимъ убѣжденіямъ, предпочелъ правописаніе *библейское*, которое противно основнымъ началамъ нашего языка, не соответствуетъ его характеру, и, облекая живое слово въ мертвую форму,

(изъ которой языкъ, какъ-бы инстинктивно давно силился освободиться)—само обращается въ непріятную «*какографію*», дѣлая письму рѣшительное *преткновеніе*. И въ самомъ дѣлѣ, незатруднительно было-бы пишущему подбирать и придумывать какую именно гласную слѣдуетъ поставить въ словѣ по библейской формѣ *i, u, e, o* или *ь*, — а также *ы* или *и*? И не является ли, при этомъ, настоятельная необходимость основательно знать языкъ библейскій? — Соглашеніе этихъ двухъ условий для большинства весьма трудно и, даже, невозможно. Народъ говоритъ (я подразумѣваю народъ украинскій)—*Куди тобі до писання, коли не маєшъ знання!* Какъ прикажете ему написать эту фразу, придерживаясь формъ библейскихъ и правилъ г. Максимовича? Не такъ ли? *Куды тебѣ до писанія, коли не маєшъ знанія*. Сами видите, что изъ этого выходитъ. При томъ-же народъ нашъ, когда надобно читать въ окончаніи слова *нія*, по библейской формѣ,—всегда выговариваетъ *ныя*: *писанья, читанья, хождѣнья, спасѣнья* и т. д., потому что эта форма народному языку несвойственна.

Вслѣдствіе этого г. Боровиковскій первый показалъ примѣръ упрощенія обще-гражданской азбуки и сближенія ороографіи съ фонетическими началами языка. Для этого, удаляя изъ ороографіи г. Котляревскаго буквы *ь, ы, э, ф, ѳ* и *ѵ*—даетъ двумъ знакамъ *i* и *и* одинъ острый звукъ; вмѣсто *ф*—*хв*, вмѣсто *ы* принялъ латинское *v*, а вмѣсто *э*—*e*; для обозначенія іотаціи (*йэ* или *ьэ*) вводитъ новую букву *є* и ставитъ ее послѣ гласной; а вмѣсто *ѳ* (*іо*)—принимаетъ *йо*; острое *г* выражаетъ латинскимъ *g*. Однимъ словомъ сущность ея заключается въ сближеніи съ народнымъ говоромъ, въ большей ежато-сти слова, въ упущеніи наконецъ словъ буквы *ѳ* и введеніи новой доселѣ буквы *є* и двухъ латинскихъ *v* и *g* (см. изданное имъ собраніе басень, подъ великорусскимъ областнымъ названіемъ: «*Байки и прибаутки*». Кіевъ, 1852.

Главнѣйшій недостатокъ этой ороографіи состоитъ въ невыдержкѣ послѣдовательной и правильной іотаціи въ гласныхъ: Если составитель обращаетъ *ѳ*—въ *йо*, то почему не дѣлаетъ того же съ другими гласными, а ограничивается только замѣною мягкаго *ѳ*—т. е. *ье* или *ьэ*, въ нѣкоторыхъ случаяхъ. буквою *є*, весьма неудобною въ письмѣ, какъ легко сливающеюся съ *ь*? напр. *грає, має, вагає, втикає, вміє, знає* и т. п. Къ тому же г. Боровиковскій, удерживая двойственность остраго звука, выражающагося черезъ *i* и *и* (что, при упо-

требленіи въ словахъ, сбивчиво и не имѣетъ основательной причины) — не даетъ знаку *i* или *и* необходимой иногда іотациі, напримѣръ въ словахъ, какъ онъ пишетъ: *ѹла, наився, поихав*, и т. п. Замѣняетъ букву *ы*, безмысленною для нашей азбуки, латинскою *у*; тогда какъ извѣстно, что *ы* составлено изъ *ѣ* и *i*, для выраженія звука болѣе твёрдаго, чѣмъ *i*, напр. *мѣи, кѣниги* и др... Часто, безъ всякаго основанія предлогъ *з* замѣняетъ *с* и на оборотъ; пропускаетъ во многихъ словахъ смягченія согласныхъ, особенно въ буквѣ *н*, напр. *мѣнче, жѣнци, жєнци, каѣнчик, кандѣюбка, сѣнце, окѣнце* и т. д. Предлогъ *у* замѣненъ вездѣ *в*; а въ окончаніи глаголовъ единствен. числа, прошедшаго времени, и въ существительныхъ, имѣющихъ твердое окончаніе въ родительномъ падежѣ множественнаго числа, постоянно удерживаетъ *в*, вопреки требованіямъ фонетики нашего языка, при соединеніи гласныхъ съ *у*. Допуская въ нѣкоторыхъ словахъ народную форму, наприм. *весѣльѹа, судѣѹа, лѹче, виддати, вєвирѹав* и друг., онъ не обращаетъ должнаго вниманія на глагольные окончанія словъ и оставляетъ въ нихъ *тѣя*, — вмѣсто *цѣця* или *цѣя*.

Но, не смотря на эти недостатки и невыдержки, г. Боровиковскій, придерживаясь болѣе простыхъ и естественныхъ законовъ, значительно подвинулъ дѣло впередъ, сблизивъ орфографію съ народнымъ произношеніемъ. Первый шагъ всегда труденъ и важенъ, а потому и цѣнится выше.

Г. Метлинскій, въ изданныхъ въ Кіевѣ, въ 1854-мъ году «*Народныхъ южно-русскихъ пѣсняхъ*» придерживаясь орфографіи г. Боровиковскаго, съ нѣкоторымъ впрочемъ измѣненіемъ въ ней, говоритъ въ своемъ предисловіи къ этому изданію:

«Какъ ни просто чтеніе по принятому здѣсь (мною) способу, не лишнимъ считаю замѣтить: *Е, е*, послѣ согласныхъ произносится твёрдо, какъ по церковно-славянски *є* въ такомъ же случаѣ или *э—иде—идѣ*; если этотъ звукъ надобно произнести мягко, *что рѣдко* (?) случается, то употреблено *є—(сѣне—сѣнѣ)*. *Е, е*, вначалѣ и послѣ гласныхъ произносится мягко, какъ по великорусски (*есть, — мое*). *И, и*, послѣ гласныхъ, а иногда и вначалѣ, произносится какъ *йи* (*мои—моѣи, их—ѣих, ѣи—ѣѣи, ѣде—ѣѣде, ѣимѣ, ѣдутъ, ѣдятъ*). — *Ы, ы*, всегда произносится нѣсколько мягче великорусскаго *ы*. Окончаніе *тѣя* въ глаголахъ произносится *цѣця*, но пишется *тѣя*, чтобы не затемнять значеніе словъ и потому что *те* само-собою переходить, при выговорѣ, въ *цѣ*, какъ и по великорусски (*спытѣця—*

спыщця, биться—быщця и др.) по этому и *бьеш(ь)ся, галочци*—обыкновенно выговаривается *бьесся, галоци*.»

Разсуждая довольно справедливо, но не сказавъ впрочемъ ничего новаго, г. Метлинскій придержался однако въ своемъ изданіи правописанія, прямо противорѣчащаго его разсужденіямъ, относительно типической формы словъ нашего языка, и обратился къ формѣ болѣе книжной, неудовлетворяющей фонетическимъ свойствамъ нашей рѣчи. Соглашаясь въ главномъ съ г. Боровиковскимъ, онъ въ орѳографіи послѣдняго сдѣлалъ слѣдующія измѣненія: — Удалить латинское *u*—замѣнивъ его *ы*, вмѣсто *ие* преимущественно удерживаетъ прежнее *е*; іотацію *о* выражаетъ двояко или *іо* или *ьо*; употребленіе буквы *е* ограничилъ только нѣкоторымъ исключеніемъ и устранилъ народную форму словъ, а потому сдѣлалъ значительный шагъ назадъ.

Г. Кулишъ, придерживаясь въ первыхъ своихъ изданіяхъ, орѳографіи г. Котляревскаго, впоследствии обратился къ правописанію г. Метлинскаго, замѣнивъ въ немъ: *ы* и *и*—буквами *и* и *і*, а іотацію *іо* или *ьо*—прежнюю скандинавскую *ё*; буквъ *е* даетъ исключительное мѣсто на концѣ словъ за двумя согласными, напр: *кохѣнне*, *бажанне* и др.; въ глагольныхъ окончаніяхъ справедливѣй удерживаетъ *тця*, вмѣсто *тсья* и во всѣхъ случаяхъ снова даетъ мѣсто изгнанной буквъ *ѣ*. (См. *Записки* его «о Южной Руси.» 1856 года. Петербургъ.

Вообще правописанія г. г. Метлинскаго и Кулиша, не отличаясь самостоятельностью системы, не заключаютъ въ себѣ научной основы и должной послѣдовательности, особенно въ іотаціяхъ гласныхъ; а потому несоотвѣтствуютъ фонетическимъ требованіямъ нашей народной рѣчи и ни мало не подвинули впередъ съ успѣхомъ начатаго дѣла (*).

Въ 1857-мъ году, г. Куцый первый предложилъ орѳографію, основанную на сближеніи *Старо—Кіевской*, (приведенной въ опредѣленную систему) съ новымъ шрифтомъ *Петровскимъ*.—(См. изданіемъ книгу «Вѣйнокъ.»—Для этого онъ сдѣлалъ слѣдующія измѣненія въ существующей орѳографіи—*обще-гражданской*:

Вмѣсто мягкого *ѣ*, ставитъ вездѣ надъ согласною буквой, требующей смягченія, знакъ ввидѣ запятой (,); надъ каждой гласной

(*) Противъ этого мы должны замѣтить, что правописаніе г. Кулиша принято почти всеми пишущими на Украинскомъ языкѣ,—въ чемъ можно убѣдиться изъ множества рукописей, полученныхъ *Основою. Ред.*

є.—При выраженіи звука *ьй* и *ьей*, а также мѣшающихся иногда *ли* и *юй*—выдерживается двойственный знакъ, неудобный для письма и печати; особенность формы буквы *е*, подходящей къ скорописному церковнославянскому, поражаетъ своею новостью и нѣсколько затрудняетъ читающаго; слѣдовало-бы замѣнить её буквою *є*, подходящею къ печатной церковно-славянской. Буква *у*, съ дугообразнымъ наверху знакомъ и промежуточный между словами знакъ *ѣка* перѣдко поставлены тамъ, гдѣ ихъ вовсе не слѣдуетъ; и такъ-какъ буква *і* не имѣетъ въ его шрифѣ точки (.), то въ соединеніи ея съ *и* или *н* сливается въ *ш*, а съ *ц*—въ *щ*, что неудобно для чтенія. Относительно-же полугласной буквы *у* со знакомъ, мнѣ кажется, слѣдовало-бы ограничить употребленіе ея болѣе опредѣленнымъ правиломъ; а именно: удерживать эту букву тогда, когда за нею въ словѣ слѣдуетъ согласная, напр: *дівчина*, *спасівка*, *мандрівка*, *вишнівка*, *бобдур*, *стоббур*, *славний*, *козаків*, *ріжків* — и т. п. Здѣсь непременно должна быть выдержана буква *у* со знакомъ; а когда слѣдуетъ гласная, то писать *в*, наприм: *іава*, *мѡва*, *дівонька*, *діво*, *довѡлі*, *насовуватись*, *привітка*, *завізно* и т. п.

Главнѣйшее достоинство ореографіи г. Куцого заключается въ полнѣйшемъ развитіи іотацій гласныхъ, такъ свойственныхъ характеру нашего языка; въ совершенномъ сближеніи ея съ говоромъ народнымъ; въ составленіи ея на основаніи *старо-кѣвской*, а не личномъ произволѣ; въ сближеніи ея съ западно-славянскими, а также и въ сжатости слова, что составляетъ немаловажное условіе въ печати.

Если-же большинство читающей публики посмотрѣло на эту ореографію *якъ лісе телі на нові двері*, то это было по слѣдующимъ причинамъ. Большинство у насъ читающихъ воспитывалось на формахъ и законахъ языка великорусскаго, пренебрегая языкомъ роднымъ, какъ мужичимъ, непримѣнимымъ къ *цивилизованной* жизни, и совершенно не зная, существуетъ-ли еще какой другой Словянской языкъ. И потому, сроднившись, такъ-сказать, съ ореографіею великорусскою, какъ съ дѣломъ привычнымъ, близкимъ, общепотребительнымъ въ обществѣ цивилизованномъ, и будучи, при томъ, въ полномъ невѣдѣніи относительно нашихъ лѣтописей, древнихъ актовъ, книгъ,—при отсутствіи всякаго знакомства съ литературою Западныхъ словянъ,—это большинство *китайствующихъ*,—принимая всякое измѣненіе въ извѣстной ему ореографіи за произвольную

прихоть праздности, оскорбляющую его привычку, смотрѣло на дѣло, какъ на поступокъ противузаконный, и отзывалось вообще на подобныя измѣненія или ожесточеннымъ порицаніемъ, или-же, въ сознаніи своего китайскаго достоинства, вовсе отказывало виновнику въ своемъ *лестномъ вниманіи*. Вотъ основныя причины гоненій на реформаторовъ; впрочемъ, нельзя сказать, чтобы общество не имѣло, въ этомъ случаѣ, на своей сторонѣ достаточно правды; но объ этомъ послѣ. Воспользовавшись указаніемъ и примѣромъ г. Куцого,—я, въ изданной мною «Абѣткѣ», придержался ороографіи *Старо-Кіевской*, — имѣя ввиду не обременять народъ какою-либо непризнанною новизною, а старался только быть продолжателемъ того, что сдѣлано было народомъ, на основаніи естественныхъ законовъ и требованій родного ему языка. Но въ предполагаемомъ мною изданіи, переведеннаго уже на нашъ языкъ, романа г. Гребинки, подъ названіемъ «*Чайковский*» — я сдѣлаю нѣкоторыя измѣненія въ ороографіи г. Куцого, соотвѣтственно моимъ убѣжденіямъ, въ примѣненіи Старо-Кіевской ороографіи къ новому общегражданскому—Петровскому шрифту.

Отличительная особенность ороографіи г. Шейковского отъ ороографіи г. Куцого заключается въ слѣдующемъ: Въ замѣнѣ звуковъ *дж* и *дз* отдѣльными церковно-славянскими буквами юговосточныхъ славянъ; въ обратномъ примѣненіи знака надъ *у*; введеніи буквъ: *й*, *ы*, *ю*, *я* и Петровскаго *э*; въ удержаніи точки надъ *і*, когда оно соотвѣтствуетъ буквѣ *о*; и въ допущеніи, при двойственныхъ согласныхъ, промежуточного смягченія или *ассимилированныхъ дифтонговъ*; а потому и въ удержаніи, въ глагольныхъ окончаніяхъ, *цѣця*.

Достоинство этой ороографіи состоитъ: въ введеніи двухъ отдѣльных буквъ *дж* и *дз*, какъ дѣйствительно характеристическихъ въ нашъ языкъ; въ смягченіи согласныхъ, такъ необходимомъ въ нашъ языкъ, что безъ него теряется одна изъ главныхъ его характеристическихъ особенностей, и въ соотвѣтствованіи, во многихъ случаяхъ, живой народной рѣчи.

Къ числу недостатковъ этой ороографіи слѣдуетъ отнести: невыдержку системы іотацій гласныхъ: если допускается іотація *о*, — (*іо*) или (*ѳо*), то почему-же она не выдерживается и въ другихъ гласныхъ, когда необходимость того требуетъ; особенно въ *е* и *і* или *ѳе* и *ѳі*? — Нѣтъ филологической послѣдовательности. Для выраженія іотацій *ѳе*, принята буква *іе*, не имѣющая опредѣлительнаго смысла, а

ѣ—вовсе отвергнуто. Передъ *е* иногда удерживается *ѣ*, тогда какъ это могло быть отстранено смягченіемъ предшествующей—согласной, что прямо соотвѣтствовало-бы принятой системѣ; допущеніе ассимилированныхъ дифтонговъ тамъ, гдѣ ихъ, по условіямъ фонетики, вовсе не слѣдуетъ, напр: *изъѣмо*, *изъѣздымо* и т. п. Въ этихъ случаяхъ слѣдовало-бы поступить правильнѣе и проще, а именно: придержать-ся одной только согласной и дать ей смягченіе, тогда послѣдующая гласная удержитъ требуемый звукъ: *изъѣмо*, *изъѣздымо* и т. д. вообще намъ кажется, что ассимилированные дифтонги въ словахъ только усложняютъ ихъ напрасно и затрудняютъ пишущаго); въ допущеніи неправильныхъ окончаній въ нѣкоторыхъ словахъ, напр: *плечи*, *гrecи*, и друг., когда въ окончаніи подобныхъ словъ надлежало бы удержать букву среднюю между *ы* и *і* или *иу*: *плечи*, *гrecи* и друг. Замѣна *сдавленнаго* (сжатого) или *полугласнаго у*—*короткимъ*, т. е. *у*, съ йкой наверху; и, наконецъ, въ прошедшемъ времени глаголовъ, единств. числа, въ родительномъ падежѣ множественнаго числа имѣнъ существительныхъ и, вообще, за немногими исключеніями, удерживается буква *ѣ* вопреки фонетическимъ законамъ нашего языка. «*Бытъ Подолянъ*», 1860.

Такое значительное разнообразіе заявленныхъ уже орѳографій, а ещё болѣе, какъ намъ извѣстно, остающихся незаявленными, къ числу которыхъ принадлежатъ: *Польская* безъ измѣненій, или другая, съ нѣкоторыми только измѣненіями, *Кириллица*, съ разнообразными примѣненіями латинскихъ буквъ, и особенная еще орѳографія съ отдѣльнымъ шрифтомъ, имѣющимъ видъ и характеръ, подходящий болѣе къ греческому, — положительно доказываютъ намъ не пустую страсть къ изобрѣтенію правописанія, какъ опрометчиво замѣчаетъ г. А. Т...ій, а глубокое сознаніе специалистовъ въ насущной необходимости для нашего языка соотвѣтственной ему орѳографіи, удовлетворяющей его требованіямъ и характеристикѣ. Если-же мы, и на настоящее время, не дошли еще до желанныхъ результатовъ, то это оттого, что г.г. дѣатели, достаточно подготовленные въ дѣлѣ родного языка, и сознающіе потребность въ болѣе свойственной ему и общей орѳографіи, — раздѣлены въ своихъ стремленіяхъ и, соотвѣтственно степени подготовки своей, слѣдуютъ не всегда истиннымъ основамъ языка и филологіи, а болѣе своимъ индивидуальнымъ воззрѣніемъ на предметъ общественнаго интереса; а потому нерѣдко впадаютъ въ ошибки, способствуя тѣмъ рутинѣ—господствующей въ большинствѣ нашего обще-

ства, доселѣ еще малознакомаго съ украинскимъ языкомъ, и не сознающаго необходимости въ измѣненіи орографіи обще-принятой. Такой печальный фактъ тѣмъ болѣе будетъ продолжителенъ, чѣмъ болѣе специалисты будутъ отклоняться въ трудахъ своихъ отъ законныхъ основъ и дѣйствовать по личному произволу. И въ самомъ дѣлѣ, кто кого побудитъ придержаться той, другой или третьей, изъ предлагаемыхъ намъ, орографій, — когда извѣстно, что, та другая или третья не построены на законахъ филологіи, неудовлетворяютъ потребностямъ языка и не выдерживаютъ правильной системы, хотя, быть можетъ нѣкоторыя примѣненія въ нихъ и выходятъ довольно удачно? — а, между тѣмъ, время идетъ и общество невольно всё болѣе утверждается въ привычкѣ къ прежней — несоотвѣтствующей орографіи. Вотъ почему и слѣдуетъ специалистамъ обратиться къ за-вѣщанному намъ источнику, богатому всеми данными, необходимыми для каждаго словянскаго языка и нарѣчія. Этотъ источникъ — *полный церковно-славянская азбука*, со всеми ея примѣненіями къ отгѣнкамъ словянскихъ нарѣчій. Нѣтъ звука ни въ одномъ говорѣ словянскомъ, чтобы не отыскалось въ этомъ источникѣ соотвѣтственнаго ему начертанія или знака; звуки: *носовые, губные, шипящіе, зубные, придыхательные, долгіе, сжатые, короткіе* и всевозможныя іотаціи словянства — все, все содержится въ этомъ богатомъ и единственномъ для словянъ хранилищѣ. Зачѣмъ-же намъ, зная это, такъ-легкомысленно пренебрегать вѣковыми трудами всей великой семьи словянской и блуждать въ неопредѣленныхъ розысканіяхъ; а, тѣмъ болѣе, обращаться за пособиями къ чуждымъ намъ источникамъ или прибѣгать къ своимъ собственнымъ фантазіямъ?

Теперь остается намъ разсмотрѣть орографію, удержанную г. Кулишемъ въ изданіяхъ, отпечатанныхъ имъ въ своей типографіи. Считаемъ это необходимымъ, не потому, что она принята редакціею журнала «Основы» и нѣкоторыми писателями; а потому, что эта орографія, при дѣятельномъ усердіи посредниковъ, ослѣпленныхъ ея истинностью, всеми мѣрами и путями проводится въ среду нашего народа. Посмотримъ еѣ поближе — заслуживаетъ-ли она того?

Выше было сказано, что г. Кулишъ, придерживаясь орографіи г. Метлинскаго, сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя только перемѣны и тѣмъ, еще болѣе, сблизилъ еѣ съ обще-принятою — *Петровскою*. Соглашаясь вполне, что твердое *ы* для нашего языка несоотвѣтственно, мы, при всемъ томъ, считаемъ необходимымъ заявить, что въ этомъ пра-

вописаніи относительно нѣкоторыхъ гласныхъ и не выдержки іотаций ощущаются тѣ—же самые недостатки, какъ и въ гражданской, а именно: буква *е* удерживаетъ два звука,—одинъ *э*, а другой *ье* или *ьэ*; если слѣдуетъ она за гласною, то должна быть произносима какъ *ье*, а послѣ согласной какъ *э*.—По старой рутинѣ, привычкѣ, это такъ; но учащійся преимущественно смотритъ на форму буквы, — на ея очертаніе, и ему надобно большого труда и навыка, чтобы понять это различіе. Запомнивъ, что *е* выражаетъ звукъ *э* — онъ, при чтеніи, будетъ стараться произносить её за *э* и послѣ гласной: *мэиэ, моэ, робэ, гадаэ* и друг.;—это произнести не трудно, а понять не легко.

Е и скандинавское ё выражаютъ два звука, совершенно различныя, первое э, а второе ёо или ёо, употребляются безразлично одно вмѣсто другого, на томъ только основаніи, что первое прописное, а второе строчное; между тѣмъ какъ то-же самое е, въначалѣ строчныхъ словъ, принимаетъ нерѣдко звукъ ёо.

И и ѿ — выражаютъ два звука различныя, а вездѣ въ словахъ выдерживается только *и*, безъ всякаго обозначенія необходимой іотаціи, на то удареніемъ въ словѣ, напримѣръ: *пои́хавъ*, *наи́вся*, *и́сти* и т. п.; тогда, какъ эти слова должны имѣть іотацію въ *и*: *пои́хавъ*, *наи́вся*, *и́сти* и т. п. даже и въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ ударенія надъ *и*, напр. *Ки́йвець*, *ко́дыти*, *прогнóвы*, *мо́вѣи*, *тво́вѣи* и т. п. также въ словахъ, въ которыхъ, по закону фоне-тики народной, *я* и *е* переходятъ въ *и*, напр. *ка́ймись*, *ха́йми*, *и́ймись*, *за́идка*, *мрѣ́иця* и въ 1-мъ лицѣ настоящаго времени, множественнаго числа глаголовъ: *ми ка́ймось*, *ми и́ймось*, *ми ма́ймо*, *ми зна́ймо* и т. д.; а не такъ, какъ многіе доселѣ, не обращая вниманія на законы фонетики нашего языка, и придерживаясь только книжной формы, пишутъ эти слова: *хѣ́яти*, *и́яти*, *за́идка*, *мрѣ́ется*, *ми ка́емось*, *ми ма́емо*, *ми зна́емо* и т. д.

Буква *е* выражает у него смягченное *э* или *ы*; но *ѣдѣ* и буква *е* тоже нередко принимает звук *ы*, а, между тѣмъ, онѣ ставятся различно, безъ всякой уважительной причины: буквѣ *е*, означающей смягченное *э*, преимущественно дано мѣсто въ концѣ словъ, послѣ согласныхъ; что за почётъ такой? и на концѣ же словъ ставится *е*, имѣющее послѣ гласныхъ тотъ-же звукъ, но только не удостоенное исключительнымъ почетомъ; а, между тѣмъ, та-же буква *е*, вначалѣ строки или послѣ точки, принимаетъ звукъ *ы* или *ю* и таже самая вначалѣ строчныхъ обращается въ *е*, а иногда въ *ѣэ*. Для выраже-

нія острого звука *г*, удержано латинское *g*. Во многих словах знак *ь* вовсе опускается и тѣмъ нарушается характеристическая интонація словъ; а удерживается послѣ *р* въ окончаніяхъ словъ, и гдѣ онъ рѣшительно не долженъ быть, напр. *Кобзѣр*, *дзвонар*, *димѣр*, *грабѣр*, *школѣр*, *шклѣр*, *малѣр*, *косѣр*, *гончѣр*, и мног. друг.; — въ глагольныхъ окончаніяхъ невыдерживаются фонетическія требованія рѣчи, и предлогъ *у* обращенъ въ *въ*; а также, во всѣхъ случаяхъ полугласная или сжатая *у* — замѣнена буквою *в*. — Однимъ словомъ, орфографія эта не удовлетворяя ни свойствамъ нашего языка, ни филологической послѣдовательности въ гласныхъ и должной выдержкѣ въ цѣломъ, рѣшительно не представляетъ никакого облегченія учащемуся, а, напротивъ, много затрудняетъ его и путаетъ своимъ смѣшеніемъ.

Такъ какъ всякая реформа, въ чемъ-бы то ни-было, должна имѣть смыслъ и прямо отвѣчать явившейся или являющейся къ тому потребности, въ противномъ случаѣ эта реформа или пустой звукъ или дѣло произвола и насилія, — то невольно рождается вопросъ: — какая насущная необходимость побудила гг. издающихъ для народнаго чтенія книжечки, печатать послѣднія Петровскимъ шрифтомъ и орфографіею, удержанною г. Кулишемъ и «Основою»? —

— Если *церковно-словаиискій* шрифтъ, по своей неокругленности, затруднителенъ для народа и, къ тому-же, началъ, какъ нѣкоторые говорятъ, пользоваться меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ *обще-гражданскій*, который удобнѣе и болѣе необходимъ народу въ житейскомъ быту, — то, въ такомъ случаѣ, слѣдовало-бы проводить въ народъ и *обще-гражданское правописаніе*, а не какое либо, произвольно составленное, и для народа совершенно новое. Если-же, на основаніи фонетическихъ законовъ языка, необходимо было измѣнить существующее правописаніе, то слѣдовало-бы, въ этомъ случаѣ, поступить рационально, строго придерживаться законовъ нашего языка и филологіи, а не произвола? Это дѣло, вѣдь, не для собственнаго препровожденія времени или удовольствія. Такъ-какъ, при изданіи книжечокъ для народнаго чтенія, несомнѣнно имѣлась ввиду благая цѣль — облегчить народу пути къ развитію и дать ему возможность практически изучить обще-гражданскую грамоту, — то постараемся обратить вниманіе, насколько именно выигрываетъ народъ отъ введенія этого новаго посредствующаго для него пути — этой новой орфографіи?

До-сихъ-поръ нашему народу были извѣстны три орфографіи: 1-я

Старо-Кіевская, 2-я первоначальная, т. е. *Старо-Болгарская*, снова введенная вслѣдствіе перепечатанія нашихъ церковныхъ книгъ и отпечатанія букваря, и 3-я *Обще-гражданская-Петровская*. Изъ нихъ только первая близка народному языку, какъ заявленная самимъ народомъ; послѣднія двѣ трудны и вредны языку. Теперь же, дарится ему еще *четвертая*, требующая особеннаго изученія, и которая отдѣляется отъ Петровской настолько, что если по ней научиться грамотѣ, то все-таки придется изучать Петровскую. Слѣдовательно, народу дается не облегченіе, а двойное и напрасное затрудненіе къ скорѣйшему развитію. Къ тому-же, если примемъ во вниманіе, что гражданскій шрифтъ, какъ извѣстно, не пользуется въ народѣ уваженіемъ,—то зачѣмъ-же систематически насиловать народъ, угощая его тѣмъ, что ему несвойственно и, по вѣрному инстинкту народа, имѣетъ на него вредныя послѣдствія?—Лучше и справедливѣе было-бы постараться упростить имѣющіяся уже въ народѣ данныя къ вѣрному и легчайшему его развитію, а не затруднять народъ произвольными нововведеніями и тѣмъ совращать его съ путей, ему обычныхъ и свойственныхъ. Знаю, что для изученія грамоты есть достаточно новыхъ прекрасныхъ системъ; но прежде всякихъ системъ и теорій, надобно, чтобы въ самой жизни народа явилась сознательная потребность грамотности, надобно имѣть преподавателей, соотвѣтственныхъ являющимся системамъ и теоріямъ, а у насъ ихъ нѣтъ; потому-то всякая система и теорія обращаются для народа въ пустой звукъ. Быстрое развитіе грамотности между многочисленными старовѣрами и раскольниками, по большей части, строго придерживающихся буквы и старины, а также ихъ благосостояніе и довольство, до которыхъ дай Богъ дойти и всякому народу,—ясно свидѣлствуютъ, что не одни нововведенія, а тѣмъ-болѣе бюрократическія, или гадательныя, и не одно уничтоженіе старого развиваетъ въ народѣ благосостояніе и грамотность.

Сентябрь 1861. Москва.

Микѣла Гаццукъ.

ПИСЬМО СЕМИНАРИСТА.

...Въ духовномъ училищѣ, куда я поступилъ изъ родительскаго дома, стараются убить всякую самостоятельность учениковъ, стараются сдѣлать изъ насъ автоматовъ. Здѣсь рѣшительно не обращаютъ вниманія на развитіе мыслительной способности; мы должны мыслить такъ, какъ наши начальники и наставники, а иначе насъ не потерпятъ въ училищѣ и по какимъ бы то ни было причинамъ уволить. Намъ нельзя быть любознательными, намъ говорятъ: выучи вотъ это—и я долженъ учить не размышляя; говорятъ—иди туда-то,—я долженъ идти не задумываясь. Мы учимся, большею частію безъ сознанія и если потребовать отчета, что сдѣлалъ ученикъ въ продолженіе шестигодичнаго училищнаго курса — окажется, что почти ничего. Такъ мы переходимъ въ семинарію, гдѣ продолжается почти тоже. При встрѣчѣ съ наставникомъ, также какъ и въ училищѣ, я долженъ снять фуражку на разстояніи пяти шаговъ, а передъ начальникомъ на разстояніи не менѣе двадцати. Одинъ изъ моихъ начальниковъ,—когда я былъ еще въ училищѣ,—далъ приказаніе, чтобы всякій ученикъ снималъ шапку какъ только войдетъ въ училищный домъ. Непослушавшій такого приказанія непременно подвергался наказанію розгами, а если былъ сынъ сколько нибудь достаточнаго отца,—ему угрожали исключеніемъ. И какой бы ни былъ зимою морозъ или выюга, ученикъ долженъ былъ пройти безъ шапки значительное разстояніе по училищному двору. Говорить предъ наставникомъ въ фуражкѣ ни подъ какимъ видомъ не дозволяется, а на ректора нельзя даже прямо и посмотрѣть. Однажды былъ слѣдующій случай. Ректоръ ѣхалъ въ каретѣ по одной сторонѣ улицы, а по другой шелъ одинъ изъ учениковъ риторики и не снялъ фуражки. Чтоже? На другой день его предъ учениками, наилучшимъ образомъ наказали розгами! Правда, все это понемногу у насъ выводится и нѣкоторые, впрочемъ немногіе, наставники сколько нибудь человѣчески относятся къ ученикамъ, да и самъ ректоръ человѣчнѣе прежняго, хотя подчасъ и величаетъ всѣхъ вообще учениковъ въ глаза, а наставниковъ за глаза, свиньями и подобными ласковыми словами.

Не пойти въ классъ—бѣда, идти—почти-что незачѣмъ, и въ классѣ каждый ученикъ думаетъ только о томъ, какъ бы выйти изъ класса, или, по-крайней-мѣрѣ, скоро ли окончится классъ. Отчего же это? Оттого, что у насъ еще мало наставниковъ, которые бы сколько-нибудь основательно знали свой предметъ, а есть еще и такіе, которые

знаютъ преподаваемый ими предметъ почти столько же, сколько и ученикъ, которому они преподають. Обыкновенно, наставникъ въ классѣ или выслушиваетъ, какъ каждый ученикъ выучилъ лекцію, или читаетъ эту лекцію ученикамъ самъ, по той же самой книжкѣ, по которой должны учиться ученики, нисколько не прибавляя къ этому чтенію своихъ знаній,—а вѣдь учебникъ долженъ быть только темой того, что долженъ развивать въ классѣ наставникъ. Когда спрашиваютъ ученика лекцію, онъ долженъ говорить—буквально, по книгѣ. Нѣкоторые наставники наши и объясняютъ въ классѣ, да какъ? начнеть, что называется, отъ Адама и пока придетъ къ тому, о чемъ онъ хочетъ говорить,—ученикъ потеряетъ уже всякую охоту слушать; а иногда одна и та же матерія тянется нѣсколько классовъ! Можно ли, въ такомъ случаѣ, внимательно слѣдить за мыслію наставника? Другіе же стараются блеснуть передъ учениками, своими выраженіями и говорятъ такъ, что многіе ученики не понимаютъ что говорятъ. Если же наставникъ какънибудь проговорится,—ученикъ не можетъ этого ему замѣтить, а если ученикъ не понялъ что сказалъ наставникъ, то не вправѣ просить объясненія. Нужно однакожъ замѣтить, что наставники послѣдняго академическаго курса гораздо лучше старыхъ во всѣхъ отношеніяхъ, хотя, впрочемъ, въ семьѣ не безъ уroda.

У насъ въ семинаріяхъ есть такъ—называемыя *задачи*. Въ высшемъ классѣ одна задача бываетъ въ двѣ недѣли, а въ среднемъ и низшемъ—и болѣе. Чтожъ это за задачи? Наставникъ даетъ *тему*, чаще всего одну только, и каждый ученикъ долженъ писать на эту тему кто что можетъ. Наставникъ въ классѣ на такую тему ничего не скажетъ; прочитавъ что—нибудь—негдѣ; пошевелѣ нужно самому придумывать. А между тѣмъ, имѣй я, на извѣстный предметъ, свой взглядъ, мнѣ нельзя писать задачу такъ, какъ я понимаю: я долженъ часто писать о томъ, чего не знаю, противъ своихъ понятій: иначе не угодишь наставнику. Писать свободно ни въ какомъ случаѣ нельзя: дерзновеннаго поставить на—ряду самыхъ безразвѣстныхъ. Можно ли притомъ написать что—либо порядочное въ двѣ недѣли... Отъ этого у насъ только половина учениковъ пишетъ задачи, но и эти пишутъ только для того, чтобъ сбыть съ рукъ, какъ попало. Если задачи эти необходимы, такъ пусть даютъ одну въ годъ, по каждому предмету. Съ начала учебнаго года пусть каждый наставникъ дастъ, по своему предмету, нѣсколько темъ для сочиненій и ученикъ выберетъ для себя какую онъ захочетъ. Въ—про-

долженіи времени, каждый ученикъ внимательно обдумаетъ избранную имъ тему, прочитасть что-нибудь объ этомъ и задача у него выйдетъ удовлетворительная.

Въ богословскомъ класѣ, у насъ пишутъ проповѣди—на извѣстный день, изъ извѣстнаго текста и на извѣстную тему,—два раза въ годъ. Мы учимся, чтобы быть священниками и учить простой народъ. Какъ же мы будемъ поучать его, если не знаемъ его потребностей, его языка? Развѣ онъ пойметъ меня, если я буду говорить ему чуть-чуть не на иностранномъ языкѣ? Наша губернія одна изъ малороссійскихъ. Не полезно ли было бы и для насъ, семинаристовъ, и для простаго народа, для котораго болѣе мы и учимся, говорить проповѣди на томъ языкѣ, на которомъ говоритъ народъ? Изучая языкъ, мы болѣе и ближе познакомились бы съ народомъ, вникли въ его духъ, въ его потребности и заслужили бы его уваженіе. А то—что я скажу народу на языкѣ для него непонятномъ? Говорить такъ предъ народомъ все равно, что горохомъ объ стѣну. Итъ, простому народу нужно и говорить простымъ языкомъ, и онъ отъ своего чистаго и правдиваго сердца поблагодаритъ насъ за такую науку.

Книгъ въ нашей библіотекѣ довольно. Изъ нихъ половина на иностранныхъ языкахъ, а другая половина на русскомъ. Изъ этой половины одна четверть относится къ сельскому хозяйству, другая къ богословію, третью можно раздѣлить на всѣ остальные науки, которыя преподаются въ семинаріи, а четвертую можно бы рѣшительно исключить. И все это стародавнее. Новѣйшихъ сочиненій ни по какимъ отраслямъ у насъ не имѣется. Книгъ для легкаго чтенія у насъ ужъ рѣшительно не найдете. Недавно только у насъ дозволено читать свѣтскія книги, а прежде—Боже сохрани! и книгу отберуть и читающаго накажутъ. Теперь же—вотъ только первый годъ—у насъ начала образовываться ученическая библіотека, состоящая изъ книгъ выписываемыхъ учениками на собственные деньги. Въ настоящемъ году у насъ выписываются слѣдующіе журналы для ученической библіотеки: Современникъ, Время, Библіотека для Чтенія, Отечественныя Записки, Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, Русское Слово, Основа, Духовный Вѣстникъ, Православное Обзоріе, Духъ Христіанина, Странникъ, Христіанское Чтеніе, Руководство для сельскихъ пастырей и Труды Кіевской духовной Академіи. Въ семинарскую же библіотеку слѣдующія: Воскресное чтеніе (въ которомъ итъ почти ничего интереснаго), Христіанское чтеніе (похожее на Воскресное), Право-

славное Обзорѣніе, Труды Кіевской д. Академіи, Духовная Бесѣда (относящаяся къ разряду чтеній), Руководство для сельскихъ пастырей (ровно ни къ чему не руководящее), Православный Собесѣдникъ (тоже къ чтеніямъ), Творенія св. отцевъ (которыя по три раза перепечатаются), Странникъ, Домашняя Бесѣда, Кіевскія Епархіальныя вѣдомости (не понимаю для чего), Московскія вѣдомости, Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, Воспитаніе, Учитель, Картинныя галереи Европы (развѣ для класса иконописанія), Книжный Вѣстникъ и Филологическія Записки. Всего выписывается на сумму болѣе 140 руб.! Повидимому, есть что почитать, а на дѣлѣ выходитъ почти противное. Всѣмъ этимъ завѣдываетъ у насъ ректоръ, который, кажется, хочетъ, чтобы кромѣ его никто ничего не читалъ. Выписываемыя для семинарской библіотеки книги онъ держитъ у себя и никому не даетъ, даже не отдаетъ и въ библіотеку, а выписываемыя въ ученическую библіотеку сдаетъ чрезъ мѣсяцъ по полученіи книги. Всѣ же вообще книги онъ получаетъ лично и также лично распоряжается книгами, получаемыми въ ученическую библіотеку. Книга дается ученикамъ, на нѣсколько квартиръ, на десять дней; въ такомъ случаѣ иногда приходится она на десять человѣкъ, а иногда на двадцать пять. Вообще книгу, положимъ Современникъ, ученику приходится читать, выключая время для другихъ занятій и проч., не болѣе 1½ часа. Чтоже въ это время можно прочитать? Вообще, порядокъ нехорошій. Не лучше ли предоставить это ученикамъ? Кромѣ того, у насъ есть еще отдѣльныя книги разныхъ сочинителей, но они никому не даются теперь. Прежде, когда книги были на рукахъ у одного изъ наставниковъ, всѣ брали когда и какую кому угодно, а теперь...

Въ статьѣ Современника «изъ воспоминаній наставника семинаріи» говорится, что за поведеніемъ учениковъ гораздо лучше могутъ слѣдить наставники, а не инспекторъ. Положимъ, что и наставникъ можетъ имѣть понятіе о поведеніи ученика, но для этого нужно измѣнить настоящія отношенія наставниковъ къ ученикамъ, такъ, чтобы ученикъ былъ свободенъ въ обращеніи съ наставникомъ, чтобы ученикъ могъ ходить къ наставнику не за дѣломъ только какъ теперь бываетъ, а какъ къ товарищу, нужно чтобы и наставники также заходили на квартиры къ ученикамъ поговорить, посидѣть; словомъ, наставники должны сблизиться съ учениками. Теперь наставникъ почти и знать не хочетъ ученика; при встрѣчѣ гдѣ-нибудь на сторонѣ, наставникъ старается

какъ можно дальше держать себя отъ ученика; тоже самое въ классѣ. Оттого-то ученики и не слушаютъ лекцій наставниковъ. Повѣрьте, что еслибъ ученикъ сталъ читать что-нибудь въ классѣ, то товарищи слушали бъ его съ гораздо большимъ вниманіемъ, нежели наставника. Это вѣрно.

Наша полиція ни въ какомъ случаѣ не можетъ правильно судить о поведеніи учениковъ. Не застанутъ, напримѣръ, разъ, два и три ученика на квартирѣ и его поведеніе мараютъ, вносятъ въ такъ-называемую черную книгу почти безъ разбирательства—гдѣ былъ ученикъ и по какому случаю. Оправдываться же ученику у насъ почти не дозволяется. Положимъ, меня обвинили въ чемъ-нибудь и я иду оправдаться; инспекторъ не даетъ мнѣ выговорить ни слова, говоря: «вы (большую частію—ты) не были дома, или сдѣлали вотъ то-то; не толкуйте же ничего, извольте исполнить наказаніе (*). Этотъ методъ ввелъ у насъ ректоръ, чтобы не давать ученикамъ повода къ разсужденіямъ съ начальниками и наставниками; что сказалъ начальникъ—то свято. Притомъ насъ даже почти учатъ не сознаваться ни въ чемъ, если провинился. Если ученикъ чистосердечно сознается, не станутъ доказывать ему, что онъ сдѣлалъ худо, не станутъ раскрывать предъ нимъ свойство его поступка, чтобы на будущее время отвратить отъ него, не простятъ, а просто накажутъ, и накажутъ со злостью (**). Не

(*) Со мной случилось однажды слѣдующее. Приѣхалъ въ городъ родной мой старшій братъ; я отправился къ нему на квартиру повидаться. Не долго пробывши тамъ и возвращаясь въ домъ, я встрѣтилъ ректора. На вопросъ «гдѣ я былъ?» я сказалъ гдѣ. «А отпрашивался ли у инспектора?»—Нѣтъ.—«Почему?»—Да потому, что, какъ вамъ извѣстно, инспекторъ не вникаетъ ни во что по случаю болѣзни, а исправляющій его должность, въ четыре раза далѣе отъ моей квартиры, нежели отъ квартиры брата. «Но во всякомъ случаѣ ты долженъ былъ просить дозволеніе у инспектора». И хотя меня онъ не исключилъ за отлучку и за дерзость говорить предъ нимъ, то по крайней мѣрѣ, очень серьезно угрожалъ исключеніемъ.

(**) Лѣтъ пять-шесть тому назадъ выбылъ изъ этой самой семинаріи инспекторъ, умою *больно не хитеръ*, но усвоившій въ совершенствѣ полицейскую казуистику семинаріи. Ему допесли на какого-то ученика. Нужно сказать, что инспекторъ этотъ довелъ до возможнаго совершенства систему доносовъ, шпіонства и сплетенъ; семинарія нѣсколько лѣтъ страдала отъ временщиковъ, его любимцевъ, которыхъ онъ возводилъ въ должность главнаго старшаго, или, попросту сказать, оберъ-шпіона. Ученикъ былъ позванъ къ нему и утверждалъ, что онъ невиненъ. Инспекторъ даетъ ему слово, что если онъ сознается и принесетъ раскаяніе, онъ его не накажетъ. Довѣрчивый юноша сознался. Тогда инспекторъ ему сказалъ: я поставленъ между двухъ золъ: между ненаказанностію вины—большимъ зломъ, и нарушеніемъ данного слова—

признайся же ученикъ—и онъ правъ, его не накажутъ. Вотъ почему ученикъ считаетъ за священную обязанность вратъ предъ начальствомъ. Начальство наше судить о поведеніи болѣе по наружности. Держи себя предъ всѣми открыто, благородно, отлучайся изъ квартиры, чтобы заняться съ товарищемъ чтеніемъ книгъ или лекцій, или, просто, погулять—и прослывешь ученикомъ безпутнаго поведенія. Будь безмолвенъ предъ начальникомъ, понижай кланяйся, говори съ нимъ голосомъ умирающаго, а на—сторонѣ, что называется, на головѣ ходи—и будешь у начальства на самомъ лучшемъ счету. Нѣтъ, господа начальники и наставники! вы сами себя обманываете, когда думаете, что вы знаете насъ.

За шалости нельзя наказывать, а тѣмъ болѣе увольнять изъ училища, а къ несчастію у насъ это не рѣдко случается. Намъ не скажутъ дѣлай вотъ то, потому—что это хорошо и вотъ почему,—этого не дѣлай, это скверно и вотъ почему. Намъ говорятъ прямо: это хорошо, это худо—безъ разсужденій, безъ прекословій. Исключать за пустые проступки ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, а у насъ можно учиться 11 лѣтъ, и болѣе,—и быть въ—заключеніе исключеннымъ за самую пустую шалость.

У насъ есть больница для учениковъ. Чтожъ это за больница? Это самое неакуратное зданіе съ невыносимымъ воздухомъ, съ прескверною и грубою пищею—и не вникающимъ въ свое дѣло лекаремъ. Если ученики и выздоравливаютъ въ больницѣ, то выздоравливаютъ безъ всякой помощи медицины:—болъничный воздухъ и пища кажется только затягиваютъ ихъ болѣзнь. Лѣкарь навѣдывается въ больницу рѣдко, а случается, что не бываетъ и по недѣлямъ. Ученикъ чувствуетъ себя нездоровымъ и приходитъ къ лекарю. Тотъ, не распросивши про болѣзнь, неосмотрѣвши больного, отправляетъ прямо въ больницу и только,—а въ больницѣ онъ не наблюдаетъ за ходомъ болѣзни; иногда же посмотрѣвши на больного, говоритъ, что онъ здоровъ, хотя тотъ самъ чувствуетъ себя нездоровымъ. Заболѣетъ кто внезапно и сильно, особенно если это случится ночью, будьте увѣрены, что лекаръ никогда не явится во—время.

Въ воскресные и праздничные дни всѣ ученики ходятъ въ домовую семинарскую церковь на утреню и литургію. Сперва, обыкновенно, всѣ

мѣншимъ. Ты самъ согласишься, что благоразуміе заставляетъ всякаго человѣка выбирать меньшее зло, и потому—я долженъ тебя наказать. И, дѣйствительно, наказалъ.

Прим. не-автора.

собираются въ одинъ изъ большихъ классовъ (залы для собраній у насъ нѣтъ). Здѣсь помощникъ инспектора, а иногда даже и старшій ученикъ, по списку, перекликаетъ всѣхъ учениковъ и кого нѣтъ, вносятъ въ *правственный журналъ*. Не будь въ собраніи и будь въ церкви—бѣда, почему не былъ въ собраніи; будь въ собраніи и не будь въ церкви—ничего: на это мало обращаютъ вниманіе. И ученики обыкновенно стараются бывать въ собраніи и не быть въ церкви. Не нужно стѣснять учениковъ, чтобы они ходили непременно въ свою церковь: пусть слѣдятъ чтобы ученики бывали въ церкви вообще, но пусть не стѣсняютъ ходженіемъ непременно въ домовую семинарскую — и они не будутъ убѣгать отъ церкви. Теперь же—кто не идетъ въ церковь, тотъ обыкновенно сидитъ на квартирѣ, боится идти въ другую церковь, чтобы не увидѣло какое-либо начальственное лицо.

Предварительно преобразованія семинаріи не мѣшаетъ нашему начальству озаботиться составленіемъ учебниковъ по всѣмъ наукамъ, читаемымъ у насъ въ семинаріяхъ. Настоящіе наши учебники, большею частию писанные, слишкомъ стѣсняютъ учениковъ, отнимаютъ у нихъ много свободнаго времени на списываніе; нѣкоторые не успѣваютъ выучивать и ограничиваются одною перепискою. Если же и есть какіе нибудь учебники печатные, то и тѣ никуда негодны. Не мѣшало бъ нашему духовному начальству предложить даже и преміи за составленіе удовлетворительныхъ для семинаріи и училищъ учебниковъ.

Вообще—семинарское образованіе слишкомъ неудовлетворительно. Съ какими познаніями выходить изъ семинаріи оканчивающіе курсъ? съ самыми ограниченными! Говорятъ, что насъ учатъ особенно наукамъ богословскимъ, такъ—какъ мы готовимся быть священнослужителями, и обращаютъ менѣе вниманія на остальные науки;—нѣтъ! и богословскій классъ у насъ считается главнымъ только номинально, а на дѣлѣ—все равно. Не знаю отчего, но окончившіе гимназіи имѣютъ гораздо болѣе свѣдѣній, по всѣмъ наукамъ, нежели ученики семинаріи, а о бывшихъ въ университетѣ нечего и говорить. Если же соединить вмѣстѣ годы гимназическаго и университетскаго курса, то выйдетъ едва ли не менѣе семинарскаго—который длится двенадцать лѣтъ! Правда, нѣкоторые, поступивши, положимъ, въ среднее отдѣленіе училища, учатся только 10 лѣтъ, но за то нѣкоторые несчастные, оставленные на повторительный курсъ въ одномъ или двухъ классахъ семинаріи или училища, должны учиться отъ 14 до 16 лѣтъ... чуть не половину жизни! Столько учиться и не вынести почти ничего—

это ужасно. Выходят иногда из семинаріи люди и съ достаточнымъ образованіемъ, но это тѣ, которые, въ продолженіе семинарскаго курса, мало очень обращали вниманіе на классныя лекціи, не ходили большею частію въ классъ и обязаны сами себѣ своимъ развитіемъ, котораго они достигли чтеніемъ и изученіемъ постороннихъ книгъ, не входящихъ въ кругъ семинарскаго классическаго образованія. Отчего, на примѣръ, воспитанники семинаріи бываютъ вялы, безжизненны, съ перфшительными манерами?.. Смертность учениковъ семинаріи, сравнительно съ учениками другихъ заведеній, гораздо большая семинаристы большею частію болѣютъ грудными припадками. Намъ запрещена прогулка, у насъ нѣтъ никакихъ гимнастическихъ упражненій; и нѣкоторые ученики, исполняя семинарскую инструкцію, изъ боязни наказаній, никуда не отлучаются изъ своей грязной и удушливой комнаты. Многіе теперь не слушаются подобныхъ законовъ и гуляютъ гдѣ хотятъ, но зато такіе ученики считаются начальствомъ легкаго, если не нетерпимаго въ семинаріи, поведенія.

Семинаріи, въ настоящемъ ихъ видѣ, быть-можетъ хороши были для очень давняго времени. Теперь же онѣ, по нашему убѣжденію, во многомъ и во многомъ требуютъ преобразованій.

ОТЧЕТЪ

ЧЕРНИГОВСКОЙ МЕЖЕВОЙ ПАЛАТЫ ЗА 1861 ГОДЪ,

представленный предсѣдателемъ черниговской межевой палаты,
управляющему межевымъ корпусомъ (*).

Въ общую сумму межевыхъ работъ по 1 января 1862 года вошелъ итогъ работъ за прошедшее время межеванія Черниговской гу-

(*) Къ отчету, препровожденному къ управляющему межевымъ корпусомъ, были приложены: карта Черниговской губерніи, съ графическимъ показаніемъ межевыхъ работъ отъ открытія межеванія въ губерніи по 1 января 1862 г.; карты уѣздовъ: Черниговскаго, Нѣжинскаго, Борзенскаго, Городницкаго и Глуховскаго, съ показаніемъ состоянія межевыхъ работъ по 1 января 1862 года, и почвенныя карты слѣдующихъ дачъ: с. Хриповки (Городницкаго уѣзда), д. Подусовки (Черниговскаго уѣзда), с. Копошевки (Борзенскаго уѣзда), с. Слоута (Глуховскаго уѣзда).

берніи, начатаго съ 2-го іюля 1858 года, подъ вѣдѣніемъ временнаго комитета, до начала дѣйствій межевой палаты, открытой 24 іюля 1860 года. Настоящій отчетъ, кромѣ изображенія дѣйствій межевой палаты въ 1861 году, представляетъ подробное обозрѣніе состоянія межеванія Черниговской губерніи, за все время производства онаго по 1 января 1862 года.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ УЧРЕЖДЕНІЯ МЕЖЕВАНІЯ ВЪ МАЛОРОССІИ.

*Движеніе дѣла объ учрежденіи размежеванія Малороссіи отъ
конца 18-го столѣтія.*

Состояніе поземельной собственности въ Малороссіи, какъ видно изъ документовъ, находящихся при дѣлахъ межевой палаты и канцеляріи начальника Черниговской губерніи, вызывало, въ концѣ 18-го столѣтія, необходимость размежеванія и Черниговской губерніи, какъ части Малороссіи. Въ 1801 г. была уже составлена Правительствующимъ Сенатомъ инструкція для начертанія Положенія о размежеваніи малороссійскихъ губерній. Проектированіе подробныхъ правилъ по этой инструкціи поручено было учрежденному для этого особому комитету, который, исполнивъ въ 1803 году лежавшія на немъ обязанности, передалъ въ 1804 г. написанныя имъ правила малороссійскому генералъ-губернатору, для соображенія съ мѣстными обстоятельствами и правами владѣльцевъ, дополненія указаніями этихъ соображеній и составленія правилъ спеціальнаго размежеванія, такъ-какъ въ инструкціи 1803 года опредѣлено было только¹ генеральное межеваніе.

Главныя основанія, на которыхъ полагали въ то время, по означеннымъ инструкціямъ и мѣстнымъ соображеніямъ, установить размежеваніе Малороссіи, состояли въ слѣдующемъ: 1) межевать земли не къ именамъ владѣльцевъ, но къ именамъ мѣстечекъ, селъ и деревень, а пустоши къ ихъ званіямъ; 2) производить размежеваніе черезъ подкоморскіе суды, на основаніи постановленій и обрядовъ, изображенныхъ въ 9 раздѣлѣ дѣйствовавшаго въ Малороссіи статута, подъ ближайшимъ наблюденіемъ и аппеляціею комиссарскихъ судовъ, которыхъ могло быть нѣсколько въ губерніи, съ раздѣленіемъ между ними подкоморскихъ судовъ, и, сверхъ того подъ непосредственнымъ начальствомъ, въ распорядительномъ и въ судномъ отношеніи малороссіаго

генераль-губернатора, — почему рѣшенія комиссарскихъ судовъ, во всякомъ случаѣ, должны были поступать, до объявленія рѣшеній, на разсмотрѣнiе герераль-губернатора, получавшаго право отмѣнять постановленія комиссарскаго суда; недовольнымъ рѣшенiемъ генераль-губернатора предоставлялась аппеляція въ Правительствующій Сенатъ; 3) разрѣшать споры о земляхъ по письменнымъ документамъ, какъ-то: Высочайшимъ грамотамъ, гетманскимъ универсаламъ, кучимъ крѣпостямъ, совершеннымъ въ судахъ, и по другимъ законнымъ актамъ и документамъ, содержащимъ названія имѣній и мѣру ихъ, и по указанiямъ живыхъ урочищъ въ межахъ и знакахъ, а за недостаткомъ тѣхъ или другихъ основанiй — по свидѣтельскимъ показанiямъ и по десятилѣтней давности владѣнiя, какъ объ ней установлено въ статутѣ; 4) не требовать никакихъ документовъ отъ тѣхъ землевладѣльцевъ, владѣнiе которыхъ не оспаривалось бы при производствѣ межеванiя губернiи; 5) раздѣлять лѣса между владѣльцами по правамъ владѣнiя на нихъ и по документамъ; 6) производить межеванiе на счетъ владѣльцевъ, взыскивая съ нихъ пошлины за планы; 7) размежевывать поземельную собственность: дворянъ, гражданъ, людей духовнаго чина, козаковъ, старшинъ, значковыхъ, приказныхъ, стрѣльцовъ, бобровниковъ и проч., какъ бы мало ни состояло за ними земель, съ тѣмъ, что если бы владѣльцы не развелись полюбовно, то, не принимая никакихъ отговорокъ, размежевывать ихъ каждого особо, по усмотрѣнiю подкоморскаго суда, оставляя, по обмежеванiи, внутреннее раздѣленiе земель въ удѣльныхъ земляхъ, всякихъ казенныхъ волостяхъ и пустошахъ мѣстному начальству надъ тѣми землями.

Означенныя инструкции, съ мѣстными заключенiями и дополненiями, оставались въ разсмотрѣнiи правительства до 1838 года. Въ этомъ году нашли снова необходимымъ подвергнуть различныя предположенiя о межеванiи по согласованiю, съ мѣстными обстоятельствами. Повторительное обсужденiе полученныхъ изъ губернiи мѣстныхъ потребовало въ 1853 году новаго мѣстнаго обсужденiя, окончившагося, на этотъ разъ, донесенiемъ мѣстнаго начальства, что все въ вышечисленныя инструкции непримѣнимы при настоящемъ устройствѣ малороссiйскихъ губернiй, почему въ 1858 году послѣдовало Высочайшее повелѣнiе войти въ новыя соображенiя и сношенiя о размежеванiи Черниговской и Полтавской губернiй. Въ томъ же году, Высочайше повелѣно было образовывать особый комитетъ для постановленiя, по соображенiямъ съ мѣстными обстоятельствами и потребностями края, главныхъ началъ про-

изводства размежеванія земель въ тѣхъ губерніяхъ, назначивъ въ тотъ комитетъ отъ каждой губерніи, кромѣ чиновниковъ министерства государственныхъ имуществъ и межеваго вѣдомства, двухъ или трехъ опытныхъ помѣщиковъ, наиболее знакомыхъ съ исключительнымъ положеніемъ Малороссіи (*). 4 апрѣля того же года былъ открытъ означенный комитетъ подъ предѣтельствомъ помощника управляющаго межевымъ корпусомъ генералъ-маіора Геденова.

Въ основаніе дѣйствій комитета, указаны были слѣдующія начала: размежеваніе Малороссіи производить, согласно Высочайшему повелѣнію 27 января 1858 года, по настоящему безспорному владѣнію; при разрѣшеніи споровъ принимать главнымъ основаніемъ десятилѣтнюю давность владѣнія до состоянія указа объ открытіи межеванія; казенную и частную собственность, съ небольшими исключеніями, подчинять одинаковымъ условіямъ при всѣхъ межевыхъ дѣйствіяхъ; производить одновременно съ генеральнымъ межеваніемъ и спеціальное межеваніе, на началахъ, согласованныхъ съ мѣстными особенностями и потребностями квая и дѣйствующими законами, предпоставляя въ спеціальному межеванію въ главное основаніе полюбовное межеваніе; а такъ какъ оно, по дробности владѣній въ Малороссіи и по особенной привязанности каждаго мѣстнаго владѣльца къ своимъ угодьямъ, будетъ затруднительно и болѣею частью даже невозможно, то установить правила для обязательнаго межеванія, имѣя въ виду опредѣлить какъ поземельныя единицы, при которыхъ землевладѣльцы обязаны будутъ выдѣлиться въ отрубныя дачи, т. е. дачи единственнаго владѣнія, и при которыхъ они могутъ оставаться въ чрезполосномъ владѣніи, въ общихъ смѣнахъ, такъ и правила размежеванія земель при обязательномъ межеваніи и, наконецъ, проектируя межевыя учрежденія, для веденія межеванія и наблюденія за правильнымъ ходомъ оного, составить оныя изъ представителей разныхъ сословій и межевыхъ чиновъ, съ тѣмъ, чтобы губернскія межевыя учрежденія были мѣстами судебными и административными вмѣстѣ, а уѣздныя исключительно административными. Въ маѣ мѣсяцѣ того года были окончены занятія комитета, и 19 мая того же года состоялось Высочайшее повелѣніе—открыть межевыя дѣйствія въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ, съ учрежденіемъ въ каждой губерніи временнаго комитета, для административныхъ только

(*) Депутатами отъ дворянства Черниговской губерніи были въ комитетѣ—помѣщики: В. Д. Дуининъ-Барковский, Г. П. Галаганъ и В. И. Туманскій.

дѣйствій по наравленію межеванія, производству полюбовныхъ соглашеній, приготовленію дачъ къ обязательному размежеванію и для повѣрки и приведенія въ исполненіе, подъ главнымъ наблюденіемъ помощника управляющаго межевымъ корпусомъ, мѣроположеній комитета, опредѣлявшаго главные начала размежеванія Малороссіи, впредъ до утвержденія, въ законодательномъ порядкѣ, Положенія о размежеваніи Малороссіи, представленіе котораго возложено было на помощника же, по обещанію всѣхъ случаевъ, могущихъ встрѣтиться на мѣстѣ при началѣ межеванія Малороссіи.—9 іюля 1858 года началось межеваніе Черниговской губерніи открытіемъ межевой комиссіи для черниговскаго уѣзда и межеваніемъ земель этого уѣзда межевными чинами, командированными изъ межеваго корпуса.

Въ маѣ 1859 года было открыто, при дѣйствіяхъ временнаго комитета, межеваніе въ уѣздахъ Городницкомъ и Глуховскомъ, съ учрежденіемъ въ нихъ межевыхъ комиссій.

19 октября 1859 года было Высочайше утверждено Положеніе о размежеваніи Малороссіи, составленное на вышеизложенныхъ началахъ, съ порученіемъ инициативы движенія дѣлъ по размежеванію Малороссіи дворянскому сословію, подъ непосредственнымъ надзоромъ управляющаго межевымъ корпусомъ и съ предоставленіемъ межевой палатѣ права окончательнаго рѣшенія всѣхъ дѣлъ по обязательному размежеванію, по жалобамъ на дѣйствія мѣстъ и лицъ, производящихъ межеваніе, и по спорамъ въ земляныхъ границахъ, неоснованнымъ на документахъ, и права разсмотрѣнія и рѣшенія вопросовъ и сомнѣній, возникающихъ при межеваніи, въ предѣлахъ, не превышающихъ ея власти.

По судебнымъ межевымъ дѣламъ, требующимъ вышатаго разрѣшенія, межевая палата поставлена въ вѣдѣніе Правительствующаго Сената.

Въ 1860 году, было открыто временнымъ же комитетомъ межеваніе въ уѣздахъ Борзенскомъ и Нѣжинскомъ, при уѣздныхъ межевыхъ комиссіяхъ для тѣхъ уѣздовъ.

24 іюля 1860 года открыта черниговская межевая палата помощникомъ управляющаго, генералъ-маіоромъ Геденовымъ.

Чрезполосность Малороссіи.

Въ долгій періодъ времени, болѣе полувѣка, отъ той поры, когда стала являться необходимость въ устройствѣ размежеванія поземель-

ной собственности Малороссіи, поры, совпадающей съ эпохою закрѣпленія крестьянъ въ Малороссіи (*), и до того времени, пока установились предположенія о размежеваніи Малороссіи,—Черниговская губернія сдѣлалась первою губерніею въ имперіи по количеству чрезполосныхъ земель и по чрезвычайной дробности разновладѣльческихъ полосъ въ дачахъ.

Изъ статистическаго обзора государственныхъ имуществъ, изданнаго министерствомъ государственныхъ имуществъ, извѣстно, что въ Черниговской губерніи, имѣющей казенныхъ крестьянскихъ земель 594,463 десятины, независимо отъ земель помѣщичьихъ, козачьихъ, собственныхъ казенныхъ крестьянъ и разныхъ вѣдомствъ—на 100 десятинъ общаго пространства, состоитъ земель во владѣніи чрезполосномъ 91 десят. съ долями, тогда какъ въ другой малороссійской губерніи—Полтавской—все пространство собственно казенныхъ земель не состоитъ въ чрезполосномъ владѣніи.

Поземельное владѣніе губерніи.

Изъ собранныхъ въ межевой палатѣ свѣдѣній, здѣсь прилагается вѣдомость о количествѣ земель, состоящихъ въ чрезполосномъ и отрубномъ владѣніяхъ, общемъ количествѣ земель въ губерніи, по военно-топографической съемкѣ и по оплатѣ земскими повинностями. Таблица эта, вмѣстѣ съ тѣмъ, показываетъ, какъ много состоитъ въ губерніи земель, неподлежащихъ поземельнымъ сборамъ, и какъ много размежеваніе послужитъ землевладѣльцамъ къ уменьшенію тягости настоящихъ поземельныхъ налоговъ, когда по межевымъ документамъ будетъ положительно извѣстно поземельное имущество каждаго землевладѣльца и когда поземельные налоги будутъ разложены по дѣйствительному количеству земель, тѣмъ болѣе, что земель неудобныхъ окажется въ Черниговской губерніи, вѣроятно, незначительное количество. По статистическимъ свѣдѣніямъ министерства государственныхъ имуществъ, считается неудобныхъ земель между землями, принадлежащими собственно казнѣ, на каждыя 100 десят.—3 десятины съ долями. До настоящаго времени, по свѣдѣніямъ, въ обмежеванныхъ дачахъ оказывается, что по окладнымъ листамъ поземельныхъ сборовъ количество земли чаще показано менѣе дѣйствительнаго за козаками и другими мелкими владѣльцами.

(*) Закрѣпленіе крестьянъ совершилось въ 1783 году.

ВѢДОМОСТЬ

о количествѣ состоящихъ въ губерніи земель и о количествѣ земель, снятыхъ и приведенныхъ въ извѣстность при настоящемъ размежеваніи губерніи по 1 января 1862 года.

Общее количество земли въ губерніи.	Общее количество по уѣздамъ въ чрезполосныхъ и отрубныхъ владѣніяхъ.				Снято земель чрезпо- лосныхъ и со съѣмкою ситуаций по 1 января 1862 года.
	Названіе уѣздовъ.	Общее коли- чество по во- енно — топо- графической съѣмкѣ.	Въ чрезпо- лосномъ вла- дѣніи.	Въ отрубномъ владѣніи.	
По военно-топографи- ческой съѣмкѣ, бывшей въ 1850 году, числится земли 4,793,924. По свѣ- дѣніямъ присутствія о земскихъ повинностяхъ— земли, оплачиваемой зем- скими повинностями, 3,003,825 дес.	Черниговскій Городницкій Новозыбковскій Суражскій Мглинскій Стародубскій Новгородсѣверскій Сосницкій Борзенскій Глуховскій Кролевецкій Конотопскій Нѣжинскій Козелецкій Остерскій	388,820 363,700 331,644 372,385 343,348 309,247 348,879 399,220 232,734 282,187 246,461 220,718 258,954 290,441 413,186	263,820 215,700 131,644 73,685 273,348 189,247 310,879 269,220 232,734 270,187 238,161 170,718 228,954 272,441 311,186	75,000 150,000 200,000 296,700 70,000 120,000 38,000 130,000 20,000 12,000 8,300 50,000 30,000 18,000 102,000	82,109 л. 666 с. 104,967 — 2292 — 78,593 — 1372 — 73,313 — 631 — 62,978 — 868 — 401,962 — 1029 —
		4,793,924	3,473,924	1,320,000	

Примѣчаніе 1. Въ числѣ чрезполосныхъ земель состоятъ усадьбныхъ земель . . . 127,000 л.
подъ рѣками . . . 60,000 —
2. Земель казенныхъ и казенныхъ крестьянъ въ губерніи болѣе . . . 1,000,000 —

СОСТОЯНИЕ МЕЖЕВЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ГУБЕРНІИ.

Работы по съемкѣ.

Состояніе межевыхъ работъ опредѣляется ходомъ съемокъ. Сравнительное обозрѣніе всѣхъ межевыхъ дѣйствій за такой годъ, въ которомъ было полное развитіе межеванія въ губерніи, даетъ возможность сдѣлать заключеніе о томъ, сколько времени нужно на обмежеваніе всей губерніи.

Въ 1861 году снято въ пяти межуемыхъ уѣздахъ земель чрезполосныхъ 184,978 дес. 1308 саж. и вымежевано въ отрубныхъ дачахъ со съемкою ситуациі 18,534 дес. 1576 саж., итого 203,513 дес. 484 саж.

Сверхъ того, въ продолженіи года, со времени открытія межеванія, снято:

въ 1858 году земель чрезполосныхъ 10,749 дес. 1181 саж., земель въ отрубныхъ дачахъ со съемкою ситуациі 126 дес. 1485 саж.;

въ 1859 году, земель чрезполосныхъ 83,518 дес. 21 саж., въ отрубныхъ дачахъ со съемкою ситуациі 1125 дес. 710 саж.;

въ 1860 году земель чрезполосныхъ 97,199 дес. 55 саж., земель въ отрубныхъ дачахъ со съемкою ситуациі 5730 дес. 1893 саж.

всего же по 1 января 1862 года состоятъ снятыхъ земель въ губерніи 401,962 дес. 1029 саж.

Затѣмъ, остается неснятыхъ изъ количества земель, числящихся въ губерніи по военно-топографической съемкѣ 1850 года, 4,391,961 дес. 1311 саж., и изъ того числа въ чрезполосномъ владѣніи 3,079,479 дес. 2235 саж.

Исключивъ изъ числа чрезполосныхъ земель количество состоящихъ въ нихъ усадебныхъ земель и рѣкъ 167,000 д., остается къ съемкѣ въ чрезполосныхъ земляхъ 2. 930,478 дес. 2235 саж., въ отрубныхъ владѣніяхъ—1.294,482 дес. 1536 с.

Работы по разводу и размежеванію снятыхъ земель.

Въ 1861 году окончательно разведено полюбовно или обязательно чрезполосныхъ земель съ подписаніемъ сказокъ или съ постановленіемъ рѣшеній въ уѣздныхъ межевыхъ комиссіяхъ—34,772 дес. 1010 саж., изъ коихъ образовалось въ 11 дачахъ 356 участковъ; пріемъ изъ

чрезполосныхъ земель составилось по размежеванію отрубныхъ участковъ 54, и участковъ съ землями, сведенными къ однимъ мѣстамъ въ общихъ трехъ смѣнахъ, 302.

Изъ означенныхъ разводовъ окончено межеваніемъ въ натурѣ съ утвержденіемъ межъ, сочиненіемъ плановъ и межевыхъ книгъ—20,825 дес. 493 саж., съ наѣзкою въ 4 собственно чрезполосныхъ дачахъ пятидесяти двухъ отрубныхъ участковъ, составленныхъ изъ прежде бывшихъ чрезполосныхъ земель, и 17 участковъ съ землями, сведенными къ однимъ мѣстамъ въ общихъ трехъ смѣнахъ. Плановъ сочинено въ 1861 году 70, межевыхъ книгъ 55.

Въ 1860 году окончательно разведено: 685 дес. 961 саж., а окончено межеваніемъ въ натурѣ по прежнимъ разводамъ 7,243 дес. 49 саж.

Въ 1859 году не состоялось ни одного развода, а межеваніемъ въ натурѣ окончено по прежнимъ разводамъ 1,125 дес. 710 саж.

Въ 1858 году разведено 5,056 дес. 2,278 саж., окончено межеваніемъ въ натурѣ 126 дес. 1,485 саж.

Взего же по 1 января 1862 года: окончательно разведено полюбовно и обязательно 40,514 дес. 1849 саж., и окончено межеваніемъ въ натурѣ 29,320 дес. 337 саж.

Межевыя силы губерній.

Въ 1861 году межевая палата имѣла межевыхъ чиновъ для производства полевыхъ межевыхъ работъ: классныхъ 54, межевщиковъ 14, учениковъ 29, итого 97.

Для занятій въ чертежной межевыхъ чиновъ 2. Палатѣ недостаётъ назначенныхъ по штату классныхъ межевыхъ чиновъ 12.

Въ прошедшихъ годахъ для полевыхъ работъ состояло межевыхъ чиновъ: въ 1860 году классныхъ 44, межевщиковъ 9, учениковъ 34, итого 87; въ 1859 году классныхъ чиновъ 32, межевщиковъ 5, учениковъ 3, итого 40; въ 1858 году: классныхъ чиновъ 12.

Примѣчаніе 1. Число учениковъ съ 1860 на 1861 годъ уменьшилось не отъ убыли ихъ по нежеланію состоять при палатѣ, но отъ перемѣщенія 7 учениковъ, по распоряженію начальства, въ другія губерніи. Число же межевыхъ учениковъ, поступающихъ по собственному желанію въ черниговскую межевую палату и привлекаемыхъ оною къ обученію, постоянно увеличивается, и на 1862 годъ всѣхъ меже-

выхъ учениковъ состоятъ 45, считая зачисленныхъ вновь, но не утвержденныхъ еще въ этомъ званіи.

Примѣчаніе 2. Въ годахъ 1860, 1859 и 1858 для чертежныхъ занятій при палатѣ и комиссіяхъ особыхъ межевыхъ чиновъ вовсе не состояло.

Успѣшность работъ межевыхъ чиновъ.

Изъ снятыхъ въ 1861 году, 203,513 дес. 484 саж. земли, причитается съемки на каждого межеваго чина, считая 54 классныхъ чиновъ и 14 межевщиковъ, до 3,000 десятинъ.

Полевые работы начались въ концѣ апрѣля.

Средняя величина съемки чрезполосности была въ уѣздахъ: Черниговскомъ $1\frac{3}{4}$ дес., Глуховскомъ $3\frac{1}{8}$ дес., Городницкомъ $1\frac{4}{5}$ дес., Борзенскомъ 1 дес., Нѣжинскомъ $1\frac{1}{4}$ дес.

Общая средняя величина съемки чрезполосности оказалась $1\frac{7}{12}$.

Въ 1860 году приходится съемки на каждого межеваго чина изъ снятыхъ 102,929 дес. 1948 саж., считая классныхъ чиновъ 44 и межевщиковъ 9, нѣсколько менѣе 2,000 дес.

Полевые работы начались съ первыхъ чиселъ мая.

Средняя величина съемки чрезполосности была въ уѣздахъ: Черниговскомъ 1 дес., Глуховскомъ $3\frac{1}{8}$ дес., Городницкомъ $4\frac{1}{5}$ дес., Борзенскомъ 1 дес., Нѣжинскомъ $\frac{9}{10}$ дес.

Общая средняя величина съемки чрезполосности $2\frac{1}{24}$.

Въ 1859 г., расчитывая 84,643 дес. 731 саж. на 32 классныхъ чина и 5 межевщиковъ, приходится на каждого 2,300 дес., а на партію — 4,600 дес.

Полевые работы начались съ первыхъ чиселъ мая.

Средняя величина съемки чрезполосности была въ уѣздахъ: Черниговскомъ $1\frac{4}{5}$ дес., Глуховскомъ $\frac{5}{6}$ дес., Городницкомъ $2\frac{1}{2}$ дес.

Общая средняя величина съемки чрезполосности $2\frac{1}{9}$.

Въ 1858 году, по количеству съемки 10,876 дес. 266 саж., и числу 12 чиновъ, приходится на каждого менѣе 1,000 десятинъ. Въ этомъ году работы были начаты только съ 3 іюля.

Средняя величина чрезполосности была $3\frac{2}{3}$ дес.

Вообще работы 1861 года, перваго года полной дѣятельности палаты, были успѣшнѣе противъ 1860 г., почти вдвое, ибо на каждого межеваго чина приходится съемки болѣе на 1,000 дес., и съемка была на $\frac{3}{4}$ дробнѣе противъ съемки 1860 г., и, сверхъ того,

въ 1861 году тѣми же чинами еще окончено межеваніемъ въ натурѣ 20,825 дес. 493 саж., съ наръзкою изъ чрезполосности 69 участковъ, что составитъ на каждаго изъ бывшихъ 68 чиновъ болѣе 300 дес., тогда какъ въ 1860 году, при окончаніи межеваніемъ только 7,243 дес. 49 саж. съ наръзкою изъ чрезполосности 60 участковъ, приходится оконченныхъ межеваніемъ въ натурѣ на каждаго чина изъ бывшихъ 53 нѣсколько болѣе 160 десятинъ.

Время, необходимое для обмежеванія всей губерніи.

Опредѣляя по работамъ 1861 года, въ какое время возможно окончить межеваніемъ Черниговскую губернію, должно имѣть въ виду: 1) что черниговской межевой палатѣ недостаетъ еще, назначенныхъ по штату, 12 классныхъ межевыхъ чиновъ; 2) что прибывшіе въ 1861 году межевые чины были только-что окончившіе курсъ учения и потому еще мало опытные въ быстротѣ полевыхъ работъ; 3) что урочное положеніе для межевыхъ чиновъ въ 1861 году не было окончательно утверждено и межевые чины могли опасаться, что работы, сдѣланныя ими въ часы отдохновенія или въ праздничные дни, не зачтутся имъ въ исполненіе уроковъ на будущее время; 4) что съ принятымъ въ межевой палатѣ порядкомъ обученія межевыхъ учениковъ, привлеченіемъ лицъ изъ разныхъ званій къ поступленію въ межевые ученики и выходомъ изъ таксаторскихъ классовъ при гимназій каждаго года новаго числа съемщиковъ, можно достигнуть того, чтобы имѣть для межеванія Черниговской губерніи 100 вполне опытныхъ межевыхъ чиновъ, вмѣсто состоящихъ нынѣ 97 съ 30 не совершенно опытныхъ, почему могло бы въ будущемъ составиться 50 инструментовъ, и засимъ можно сдѣлать вѣрное заключеніе, по опыту работъ прошедшаго года, что межеваніе Черниговской губерніи будетъ продолжаться отъ 10 до 12 лѣтъ, при неослабѣвающихъ дѣйствіяхъ палаты, надлежащей распорядительности, справедливомъ вниманіи къ тяжелымъ занятіямъ межевыхъ чиновъ и цѣлесообразномъ употребленіи средствъ, вѣренныхъ для производства и направленія межевыхъ дѣйствій (*).

**МѢРЫ, ПРИНЯТЫЯ КЪ УСПѢШНОМУ И ВЫГОДНОМУ
ПРОИЗВОДСТВУ МЕЖЕВАНІЯ.**

Общее направленіе принятыхъ мѣръ.

Въ 1861 году дѣятельность межевой палаты, независимо отъ зачатій по направленію порядка дѣйствій всѣхъ мѣстъ и лицъ, уча-

ствовавшихъ въ межеваніи, сосредоточивалась преимущественно на тѣхъ мѣрахъ, которыя вели бы къ наискорѣйшему размежеванію губерніи съ наименьшими издержками и съ наибольшею возможностью помощи движенію дѣла по устройству поземельныхъ отношеній помѣщиковъ съ крестьянами, вышедшими въ этомъ году изъ крѣпостной зависимости.

Мѣры, принятыя по распорядительной части.

По распорядительной части предметами особенныхъ заботъ было:

A). Въ отношеніи къ успѣхамъ межеванія:

1.) Увеличить число дѣйствующихъ инструментовъ отдѣленіемъ помощниковъ въ партіяхъ къ самостоятельнымъ занятіямъ, подъ надзоромъ начальниковъ партій. Наблюденія за движеніемъ работъ открыли, что до 1861 г. при одной и той же средней величинѣ чрезполосности, партій, состоявшія изъ двухъ опытныхъ межевыхъ чиновъ и двухъ межевыхъ учениковъ, снимали: то 30, то 40, то 25, то 19 десятинъ въ день; изъ трехъ, совершенно опытныхъ чиновъ,—то 14, то 13, то 19 десятинъ; а партій, состоявшія изъ одного межеваго класенаго чина и одного межеваго ученика, снимали, напротивъ, той же средней величины чрезполосности—23, 24, 28 и 33 десятины, состоящія же изъ двухъ опытныхъ чиновъ—25, 20, 28 и 14 десятинъ. Оказалось, чѣмъ больше была сила партіи, тѣмъ меньше она работала; чѣмъ меньше была сила партіи—и меньше еще и тѣмъ, что вторые чины были далеко слабѣе опытностью первыхъ чиновъ,—тѣмъ больше успѣвала партія и наибольшій успѣхъ былъ тамъ, гдѣ у исполнителя работъ были помощниками межевые ученики, т. е. гдѣ исполнитель долженъ былъ непременно работать лично и имѣлъ въ помощникѣ только дѣйствительнаго помощника, а не такое лицо, которое могло бы вполнѣ работать за него. Большее количество работъ 1861 г. должно считать, между прочимъ, и результатомъ вышеписанной мѣры. Съ другой же стороны, работы прошлаго года подтвердили предположеніе о важномъ значеніи межевыхъ учениковъ при полевыхъ работахъ мензулою и со шведскимъ способомъ—разстановки колышковъ. Большинство опытовъ свидѣтельствовало, что тѣ только инструменты исполняли большіе уроки по съемкѣ, въ которыхъ было только по два чина, и вторымъ чиномъ или помощникомъ исполнителя работъ былъ межевой ученикъ. Удовлетворительными помощниками при инструментахъ оказались ученики, пробывшіе при палатѣ и полевыхъ работахъ отъ 1

до $1\frac{1}{2}$ года. Многіе ученики, пробывшіе въ этихъ занятіяхъ два года, выходили настолько опытными, что могли работать на отдѣльныхъ инструментахъ. 2) Увеличить число межевыхъ учениковъ корпуса межевщиковъ, прикомандированныхъ къ палатѣ, и устроить послѣдовательное обученіе практическимъ и теоретическимъ познаніямъ лицъ, поступающихъ въ это званіе. Въ концѣ года палата имѣла новыхъ учениковъ 15, сверхъ данныхъ ей 30 при открытіи ея. Означенные межевые ученики обучались при палатѣ и при тѣхъ коммиссіяхъ, въ которыхъ предѣдатели изъявили готовность взять обученіе учениковъ на свою отвѣтственность. На этомъ основаніи, ученики, бывшіе въ Нѣжинскомъ уѣздѣ, остались на зиму при Нѣжинской межевой коммисіи, нѣсколько учениковъ осталось при Городницкой коммисіи, остальные ученики помѣщены на зиму въ домѣ, нанимаемомъ для межевой палаты. Въ облегченіе изученія уроковъ, имъ данъ особый репетиторъ. Для учебныхъ занятій съ межевскими учениками составлена программа, примѣненная къ программѣ обученія межевыхъ учениковъ по корпусу межевщиковъ, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на обученіе ихъ правиламъ геометріи, необходимымъ для уразумѣнія геодезическихъ дѣйствій, общимъ началамъ и правиламъ изъ низшей геодезіи, съ черченіемъ и рисованіемъ плановъ, вычисленію пространствъ, общимъ правиламъ изъ межевыхъ законовъ и каллиграфіи, чтобы образовать изъ нихъ хорошихъ съемщиковъ, способныхъ работать отдѣльнымъ планшетомъ. Для обученія учениковъ устроены въ палатѣ особыя классы подѣ наблюденіемъ директора чертежной, съ преподавателями изъ межевыхъ чиновъ, прикомандированныхъ на зиму къ чертежной палатѣ. Чтобы упрочить за межевою палатою состояніе межевыхъ учениковъ съ такими правами, которыя не стѣсняли бы свободнаго призванія и будущаго назначенія лицъ, желающихъ посвятить себя дѣлу межеванія, было сдѣлано въ 1861 году представленіе о разрѣшеніи имѣть собственно при межевой палатѣ учениковъ, на которыхъ не распространялись бы условія обязательной службы, и которые имѣли бы право, пріобрѣвъ познанія, держать экзамены въ межевой палатѣ на званія чертежниковъ и послѣдующія межевыя званія. 3) Увеличить число межевыхъ силъ палаты привлеченіемъ частныхъ землеѣтровъ къ межевымъ работамъ въ партіяхъ межевыхъ чиновъ. Предѣдатель Нѣжинской межевой коммисіи оказалъ особенное усердіе въ осуществленіи этого предпріятія. Въ Нѣжинскомъ уѣздѣ было три такихъ землеѣтра; въ городницкомъ—одинъ. Изъ бывшихъ въ Нѣжинскомъ—одинъ

уже выдержалъ, на основаніи Св. Зак. Меж., экзаменъ на званіе землемѣрнаго помощника, а другой на званіе чертежника. Означенные вольные землемѣры получили образованіе: одинъ въ корпусѣ топографовъ и былъ на военной съемкѣ въ разныхъ губерніяхъ, другой— въ земледѣльческомъ училищѣ при Горыгорецкомъ институтѣ, а послѣдніе въ гимназіяхъ и при уѣздныхъ землемѣрахъ. Сверхъ того, нѣсколько молодыхъ людей, изъ окончившихъ курсъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ познаніями въ наукахъ математическихъ, поступили въ черниговскую межевую палату и готовятся держать экзамены на межевыя званія, чтобы поступить на лѣто въ партіи, для усовершенствованія въ практическихъ познаніяхъ. 4) Установить правила производства повѣрки снятыхъ дачъ немедленно по окончаніи съемки. Правила эти, по мнѣнію комиссій, должны были заставить cadaго производителя исполнять свои занятія аккуратно, такъ какъ, въ случаѣ значительныхъ невѣрностей, ему самому пришлось бы исправлять ихъ тотчасъ, съ видимымъ ущербомъ для себя, какъ въ нравственномъ, такъ и матеріальномъ отношеніяхъ. 5) Ввести составленіе почвенныхъ картъ по каждой снятой дачѣ. Въ скоромъ времени всѣ дачи будутъ имѣть свои почвенныя карты. По этимъ картамъ будетъ составляться и почвенная карта всей губерніи. Карты эти, представляя графическое изображеніе снятыхъ дачъ, съ видоизмѣненіями почвъ въ пахатныхъ поляхъ, лугахъ, лѣсахъ и проч., дадутъ вѣрное понятіе о всей снятой мѣстности, и, независимо отъ цѣнности своей въ научномъ отношеніи, будутъ служить важнымъ пособіемъ, какъ къ направленію полюбовныхъ соглашеній, производству обязательныхъ разводовъ, такъ и для нагляднаго знакомства межевой палаты съ основательностью жалобъ по обязательнымъ разводамъ, при повѣркѣ оныхъ по таксаціи и прочимъ правиламъ, даннымъ въ руководство для производства межевыхъ разводовъ. 6) Составить правила таксаціи и регулированія земель при обязательномъ размежеваніи дачъ, съ указаніемъ употребленія тѣхъ правилъ для однообразнаго руководства въ межевыхъ комиссіяхъ и повѣрки въ палатѣ правильности разводовъ по жалобамъ землевладѣльцевъ. 7) Устроить болѣе тѣсную связь между межевymi учрежденіями и землевладѣльцами, которымъ полезно и даже необходимо знакомиться съ подробнымъ примѣненіемъ правилъ межеванія къ производству межевыхъ дѣйствій и дѣлъ, съ ними соединенныхъ, а также и съ состояніемъ межеванія въ губерніи.

Б.) Въ-отношеніи къ уменьшенію издержекъ по межеванію.

Въ 1861 году произведено гораздо болѣе межевыхъ работъ, нежели въ 1860 году, и этимъ уже сдѣлано уменьшеніе издержекъ на межеваніе, ибо на каждого межеваго чина, не считая учениковъ, приходится въ 1861 г. почти вдвое болѣе работъ; но независимо отъ сего, было еще обращено вниманіе на уменьшеніе издержекъ по обмѣлированію межевыхъ комиссій, и полаты, по содержанію канцелярскихъ чиновниковъ палаты установленіемъ контроля въ занятіяхъ по перепискѣ бумагъ особымъ урочнымъ положеніемъ, и на уменьшеніе издержекъ по употребленію суммъ, назначенныхъ дворянствомъ на содержаніе лицъ, служащихъ по выборамъ дворянства при палатѣ; по послѣдней статьѣ, вмѣсто 11000 р. сер., предположенныхъ къ расходу въ теченіи года, расходовалось только 7000 руб.; каковыя 7000 руб. составляютъ налога только $\frac{1}{3}$ коп. на десятину дворянскихъ земель, облагаемыхъ въ послѣднее трехлѣтіе поземельными сборами; наконецъ на уменьшеніе расхода дворянъ по содержанію уѣздныхъ межевыхъ комиссій учрежденіемъ межевыхъ комиссій не для каждого межуемаго уѣзда, но съ присоединеніемъ къ одной межевой комиссіи части другаго уѣзда или цѣлаго уѣзда, въ зависимости отъ количества чрезполосныхъ земель, состоящихъ въ уѣздахъ, и по указаніямъ живыхъ границъ, опредѣляемыхъ большими рѣками.

Такимъ образомъ, одна часть остерскаго уѣзда присоединена къ черниговской межевой комиссіи, а другая—къ козелецкой; суражскій уѣздъ—къ стародубской межевой комиссіи и часть сосницкаго—къ борзенской межевой комиссіи. Этимъ способомъ сохранится дворянству ежегодно изъ расходовъ, предположенныхъ имъ для содержанія межевыхъ учреждений по означеннымъ уѣздамъ, 5400 р. въ годъ. Съ экономіею же, сдѣланною по этому предмету въ палатѣ въ 4000 р. с., всего сбережено дворянству въ 1861 году изъ суммъ, ассигнованныхъ имъ на содержаніе лицъ, служащихъ по выборамъ дворянства,—9400 р. с.

В.) Въ-отношеніи содѣйствія ГУБЕРНСКОМУ ПО КРЕСТЬЯНСКИМЪ ДѢЛАМЪ ПРИСУТСТВІЮ.

Межеваніе, котораго искали въ Малороссіи еще со времени учрежденія крѣпостнаго права, пришло въ Черниговскую губернію во время уничтоженія этого права, и въ 1861 г. высшее межевое начальство разрѣшило, чтобы межевыя учрежденія, установленныя для раз-

межеванія земель: помѣщичьихъ, козачьихъ, казенныхъ и другихъ вѣдомствъ, оказывали, съ своей стороны, такое содѣйствіе успѣшнѣйшему движенію дѣла объ устройствѣ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, которое не прерывало бы и не задерживало занятій, указываемыхъ межевымъ учрежденіямъ по положенію о размежеваніи Малороссіи. На этомъ основаніи, въ томъ же году, предпринято въ межевой палатѣ распоряженіе объ отмѣткѣ по поземельнымъ вѣдомостямъ, при съемкѣ помѣщичьихъ земель,—земель, находящихся въ пользованіи крестьянъ, и предложено губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію содѣйствіе по производству разграниченія помѣщичьихъ и крестьянскихъ угодій одновременно съ производствомъ утвержденія межъ въ натурѣ по разграничительнымъ актамъ, утвержденнымъ мировыми посредниками, и, сверхъ того, сдѣлано распоряженіе о направленіи межевыхъ средствъ къ межеванію дачъ съ большинствомъ помѣщичьихъ владѣній. Мѣра эта, независимо отъ содѣйствія къ скорѣйшему устройству поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, обѣщаетъ полезныя послѣдствія и въ межевомъ отношеніи тѣмъ, что въ дачахъ съ помѣщичьими землями можно ожидать отъ значительныхъ землевладѣльцевъ большихъ уступокъ по всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые затрудняютъ соглашенія въ дачахъ съ мелкими собственниками, наиболѣе теряющими по межеванію, и что мелкіе собственники, имѣя случай ознакомиться, въ слѣдствіе этого, съ выгодами землевладѣнія въ дачахъ нечрезполосныхъ и съ выгодами вымежеванія изъ чрезположности по полюбовнымъ соглашениямъ, вѣрнѣе поймутъ пользу межеванія и съ большою готовностію будутъ стараться воспользоваться онымъ и для устройства собственного благосостоянія, не смотря на временныя потери, соединенныя съ потерей общаго толочнаго поля.

Мѣры, принятыя по коллегіальной части.

Производство межевыхъ работъ, межевыхъ разводовъ и межевыхъ дѣлъ, наблюденіе за межевыми занятіями, направленіе межевыхъ дѣйствій и заботы о скорѣйшемъ размежеваніи губерніи встрѣчались, при полномъ развитіи межеванія, со многими такими обстоятельствами, которыя требовали коллегіальнаго разсмотрѣнія оныхъ, на основаніи § 76 пункт. е Положенія о размежеваніи Малороссіи.

Такимъ образомъ, межевою палатою окончательно обсуждены въ 1861 году: 1) правила таксаціи земель и регулированія оныхъ для

производства обязательныхъ разводовъ, требуемыхъ положеніемъ о размежеваніи Малороссіи § 102, 2 примѣчаніемъ къ оному и § 137; 2) правила о составленіи дворянскими членами межевыхъ комиссій хозяйственнаго обозрѣнія межуемыхъ дачъ для воспособленія производству таксаціи. Многократные опыты по производству межевыхъ дѣйствій и разсмотрѣніе жалобъ на обязательные разводы убѣдили палату, что безъ тѣхъ и другихъ правилъ не могли бы осуществиться правильныя и справедливыя дѣйствія по межевымъ разводамъ, и можно полагать, что съ привычкою къ строгому и отчетливому труду въ межевыхъ комиссіяхъ, по правиламъ таксаціи, обязательные разводы будутъ обращаться въ полюбовныя соглашенія, или, по крайней мѣрѣ, не будутъ вызывать жалобъ землевладѣльцевъ, тогда какъ теперь всѣ обязательные разводы прошедшаго времени пришли на разсмотрѣніе въ палату; палата же, безъ этихъ правилъ, была бы, съ своей стороны, лишена всякой возможности опредѣлить правильность дѣйствій межевыхъ комиссій по означенному предмету и справедливость или несправедливость притязаній землевладѣльцевъ; 3) установлены правила выдачи части задѣльной платы межевымъ чинамъ за работы сверхъ уроковъ, примѣняясь къ § 166 положенія о размежеваніи Малороссіи, чтобы улучшить матеріальныя средства межевыхъ чиновъ и побудить ихъ къ употребленію всего свободнаго времени на межевыя работы за немедленное вознагражденіе, тогда какъ съ отсутствіемъ этого распоряженія, межевые чины лишнія работы, произведенныя сверхъ уроковъ, сохраняли для пополненія недостатковъ по урокамъ въ другое время; притомъ же межевые чины, дѣйствуя въ 1861 году безъ утвержденного еще урочнаго положенія, могли думать, что излишняя съ ихъ стороны работа противъ проекта урочнаго положенія вовсе не будетъ заплачена имъ. Съ этою же мѣрою межеваніе губерніи не только не сдѣлалось дороже, но, напротивъ, удешевилось и еще удешевится, ибо чѣмъ болѣе работъ межевые чины сдѣлаютъ сверхъ урока, тѣмъ скорѣе окончится межеваніе и тѣмъ меньшее число лѣтъ сословія будутъ содержать межевыя учрежденія и давать содержаніе межевымъ чинамъ: жалованьемъ, квартирными и т. п. выдачами, положенными по штатамъ, кромѣ задѣльной платы; 4) установленъ способъ примѣненія коштнаго межеванія въ Черниговской губерніи при производствѣ настоящаго генеральнаго и спеціального межеванія, съ уменьшеніемъ издержекъ, вмѣсто 3 коп., по $1\frac{1}{2}$ коп. съ десятины, для чего землевладѣльцы должны уничтожить чрезволостьность безъ участія

межевыхъ чиновъ палаты и затѣмъ передать нечрезполосныя уже земли къ государственному межеванію для утвержденія границъ межевыми признаками; 5) соглашены съ порядкомъ производства межеванія въ Черниговской губерніи постановленія свода межевыхъ законовъ о вчинаніи споровъ въ земляныхъ границахъ и о намежеваніи земель за владѣльцами по владѣнію изъ права собственности, но не по временному владѣнію, отдѣльному отъ права собственности. Спорныя дѣла этого рода представляли для межевой палаты, межевыхъ комиссій и межевыхъ чиновъ такія затрудненія, безъ устраненія которыхъ нарушались бы права землевладѣльцевъ по собственности и межевая палата могла бы подвергнуться законной отвѣтственности; 6) разрѣшены случаи окончательнаго установленія полюбовныхъ или обязательныхъ разводовъ безъ снятія въ окружномъ порядкѣ нѣсколькихъ рядовъ дачъ, окружающихъ какую нибудь снятую дачу, слѣдующую къ поступленію на межевые разводы, но удерживающую вѣдѣніе оныхъ нѣсколько лѣтъ, въ виду необходимости передвиженія земель изъ дачи въ дачу по тому случаю, что владѣльцы одной дачи имѣютъ свои земли и въ другихъ дачахъ. 7) соглашены мѣстные обстоятельства состоянія выгонныхъ земель въ Черниговской губерніи съ тѣми статьями свода законовъ, которыя не отмѣнены положеніемъ о размежеваніи Малороссіи и не включены въ оное, а потому, на основаніи ст. 11 того положенія, должны быть дѣйствующими при размежеваніи Малороссіи. Выгонныя земли при межевыхъ разводахъ 1861 года представляли чрезвычайную запутанность, какъ по спорнымъ дѣламъ въ границахъ, такъ и по соглашеніямъ, ибо въ Черниговской губерніи выгонными землями по состоянію трехпольнаго хозяйства, при чрезполосности и разнохарактерности почвы въ губерніи, не рѣдко называли, при съемкахъ, не только тѣ земли, которыя состоятъ при селеніяхъ въ одномъ общемъ кускѣ, или принадлежатъ одному изъ владѣльцевъ для выпуска скота, но и такія земли, которыя были оставляемы почему либо безъ обработки и на которыя выгоняли для пастища скотъ, также какъ и на третье то-точное поле въ трехпольномъ хозяйствѣ.

ДВИЖЕНІЕ ТЕКУЩИХЪ ДѢЛЪ ВЪ МЕЖЕВОЙ ПАЛАТѢ И СОСТАВЛЕНІЕ ИНСТРУКЦІЙ ДЛЯ ДѢЙСТВІЙ МѢСТЪ И ЛИЦЪ, УЧАСТВУЮЩИХЪ ВЪ МЕЖЕВАНІИ.

Занятія по дѣламъ закрытыхъ межевыхъ судовъ.

Вопросъ о межевыхъ судахъ доходилъ до Правительствующаго Се-

ната. Средоточіемъ дѣлъ по спорамъ о поземельной собственности, до настоящаго времени, были межевые суды, которые, дѣйствуя еще на основаніи литовскаго статута, не имѣли ни сроковъ для рѣшенія дѣлъ, ни тѣхъ правилъ скоротечнаго суда въ рѣшеніяхъ, какія составляютъ основной характеръ дѣлопроизводства учреждений по настоящему межеванію. При такомъ порядкѣ, дѣла по нѣкоторымъ спорамъ лежали въ судахъ десятки лѣтъ и много десятковъ лѣтъ безъ всякаго движенія, и, при столкновеніи съ дѣйствіями палаты, очень легко могли получать двойкія, несогласныя рѣшенія, и, сверхъ того, межевые суды, при дѣйствіяхъ въ губерніи межевой палаты, какъ центральнаго межеваго учрежденія, утрачивали въ занятіяхъ своихъ твердое юридическое основаніе. Правительствующій Сенатъ рѣшилъ закрыть межевые суды тамъ, гдѣ будетъ начато межеваніе, и закрывать по мѣрѣ учрежденія комиссій, съ передачею дѣлъ, для дальнѣйшаго производства, въ межевыя учрежденія губерній малороссійскихъ или уѣздные суды, смотря по ихъ предметамъ. Причемъ предоставлено право межевой палатѣ по неисполненнымъ дѣламъ, при окончаніи ихъ, на основаніи полож. о размеж. Малороссіи, не стѣсняться рѣшеніями межевыхъ судовъ, невошедшими въ окончательную законную силу. Съ закрытіемъ межевыхъ судовъ: Черниговскаго, Городницкаго, Глуховскаго, Борзенскаго и Нѣжинскаго, поступило въ межевую палату по 1 января 1862 года изъ означенныхъ судовъ и черниговской гражданской палаты 32 дѣла, предварительное разсмотрѣніе которыхъ, до составленія по онимъ, въ судебномъ порядкѣ, докладовъ, возложено на старшаго, по числу избирательныхъ балловъ, дворянскаго члена.

Судебныя дѣла палаты.

Судебныя дѣла, возникшія въ 1861 году при производствѣ межевыхъ работъ, принадлежать къ спорамъ въ границахъ земель помѣщиковъ между собою и помѣщиковъ съ другими лицами,—къ спорамъ за земли, находящіяся въ пользованіи церковно-служителей,—къ спорамъ между собственниками и временно-владѣющими землями по залогамъ, обработкѣ изъ доли и т. п.,—къ спорамъ въ земляхъ, оставшихся безъ обработки и запущенныхъ подъ пастбища. Въ безусловно гра ничныхъ спорахъ есть споры о значительныхъ пространствахъ земли, и именно до 300 десятинъ въ одномъ кускѣ.

Дѣла по примѣненію правилъ межеванія къ частнымъ случаямъ.

По вопросамъ подробнаго примѣненія къ мѣстнымъ случаямъ правилъ по межеванію, независимо отъ вопросовъ, рѣшеніемъ которыхъ установлены общія мѣры въ межевыхъ дѣйствіяхъ, занимаютъ важное мѣсто слѣдующія обстоятельства: исполненіе землевладѣльцами натуральныхъ повинностей по межеванію, партѣжки церковныхъ земель отъ незаселенныхъ земель, случаи, когда владѣльцы могутъ быть оставляемы въ чрезполосномъ владѣніи, опекунское участіе старшаго члена отъ дворянъ по числу избирательныхъ балловъ въ разводахъ по имѣніямъ малолѣтнихъ, умалишенныхъ и пр., при одновременномъ межеваніи въ нѣсколькихъ уѣздахъ дачъ съ тѣми имѣніями и участія вольнонаемныхъ землемѣровъ въ работахъ партій.

Дѣла по составленію инструкцій и положеній.

Съ приведеніемъ къ полному развитію порядка межеванія Малороссіи, основаннаго на мѣстныхъ особенностяхъ и потребностяхъ края, выдвигалась, между прочимъ, на первое мѣсто необходимость составленія инструкціи для руководства уполномоченнымъ отъ палаты государственныхъ имуществъ по размежеванію Черниговской и Полтавской губерній, въ согласіи съ условіями, принятыми въ положеніи о размежеваніи Малороссіи. Инструкція уполномоченнымъ, составленная въ черниговской межевой палатѣ, путемъ разработки мнѣній самихъ уполномоченныхъ, мнѣній уѣздныхъ межевыхъ комиссій, соображеній съ инструкціею, дѣйствующею въ губерніяхъ великороссійскихъ, и наблюденій при направленіи дѣйствій межевыхъ комиссій, утверждена въ видѣ опыта, на одинъ годъ, съ предоставленіемъ мѣстнымъ межевымъ палатамъ, по прошествіи года, войти съ представленіемъ о томъ—признаютъ ли они ту инструкцію вполне удовлетворительною и какія, по ихъ мнѣнію, необходимо сдѣлать въ ней измѣненія и дополненія, вслѣдствіе могущихъ встрѣтиться, при дальнѣйшемъ ходѣ межеванія, новыхъ, непредвидѣнныхъ въ ней условій.

Обстоятельства состоянія поземельной собственности въ Малороссіи и распредѣленія оной между землевладѣльцами въ тѣ времена, когда юридическія начала не были развиты и усвоены краемъ,—большой кругъ обязанностей уѣздныхъ межевыхъ комиссій, въ которыхъ уполномоченные сдѣлались постоянными членами, и направленіе дѣя-

тельности межевыхъ комиссій, преподанное положеніемъ о размежеваніи Малороссіи, по которому учрежденія эти должны постоянно стремиться къ осуществленію той мысли, чтобы быть для землевладѣльцевъ какъ-бы безсмѣннымъ третейскимъ судомъ изъ лицъ, избранныхъ тѣми, которые ему подвергаются,—требовали: съ одной стороны расширенія предѣловъ занятій и обязанностей уполномоченныхъ, гдѣ занятія ихъ могли бы быть залогомъ успѣховъ межеванія и охраненія казенныхъ интересовъ, и указывали, съ другой стороны, на необходимость ограниченія власти уполномоченныхъ въ самостоятельномъ опредѣленіи выгодъ казенныхъ крестьянъ въ обмѣнахъ и разводахъ земель, подлежащихъ постоянному ихъ пользованію, ибо безусловныя, въ этомъ отношеніи, права уполномоченныхъ могли бы повредить пользамъ крестьянъ, ослабляя для нихъ справедливость того правила, которое легло въ основу положенія о размежеваніи Малороссіи, — что частный землевладѣлецъ, а слѣдовательно и пользующійся вѣчно землею, можетъ, съ большею основательностью, отстаивать свои права, нежели чиновникъ отъ вѣдомства.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, въ означенной инструкціи вмѣнено въ обязанность уполномоченному исполнять всѣ общія обязанности, которыя возложены на членовъ межевыхъ комиссій при дѣйствіяхъ въ засѣданіяхъ и въ полѣ, и которыя лежатъ на немъ, какъ охранителѣ интересовъ казенной поземельной собственности, способствовать всѣми мѣрами успѣху размежеванія, отклоняя совѣтами и яснымъ представленіемъ дѣла всякія неосновательныя и несправедливыя требованія какъ государственныхъ крестьянъ, надѣленныхъ казенною землею, такъ и козаковъ, но не стѣснять ихъ воли при согласеніяхъ и не препятствовать имъ производить полюбовные разводы по собственному ихъ усмотрѣнію. По обязательному же межеванію, предоставляя означеннымъ крестьянамъ ту же свободу, присоединять къ ихъ согласію или несогласію свои мнѣнія.

Инструкція межевымъ чинамъ, предназначенная для установленія правильнаго и согласнаго съ мѣстными обстоятельствами и новыми началами малороссійскаго межеванія порядка занятій межевыхъ чиновъ, откомандированныхъ въ полевую работу, сложилась изъ наблюденій за ходомъ работъ, разсмотрѣнныхъ совмѣстно съ опытнѣйшими техниками и предсѣдателями межевыхъ комиссій. Инструкція межевымъ чинамъ, съ дополненіями и измѣненіями, представлена на утвержденіе управляющаго межевымъ корпусомъ въ 1861 году.

Урочное положеніе, тѣсно связывая интересы землевладѣльцевъ и межевыхъ чиновъ, требовало такихъ изысканій, для опредѣленія нормы той или другой работы, которыя давали бы возможность землевладѣльцамъ обмежевываться съ наименьшими издержками, а межевымъ чинамъ—такое вознагражденіе, которое привлекало бы ихъ къ работамъ въ Черниговской губерніи. Совокупность значительнаго числа мѣній по этому предмету, а именно: уѣздныхъ межевыхъ комиссій, членовъ палаты, выводовъ изъ работъ межевыхъ чиновъ за прошедшее время, наблюденій при посѣщеніяхъ межевыхъ комиссій и при обзорѣніяхъ полевыхъ работъ, замѣчаній начальниковъ партій и директора чертежной—замыкалась, во-первыхъ, распоряженіемъ о производствѣ опытныхъ работъ въ каждой уѣздной межевой комиссіи, по журналамъ въ присутствіи предсѣдателей или членовъ межевыхъ комиссій, а частію и въ присутствіи членовъ межевой палаты для дознанія на опытѣ, какой урокъ можетъ исполнить въ день какъ одинъ начальникъ партіи, такъ и совмѣстно съ помощникомъ, и, во-вторыхъ, соглашеніемъ всѣхъ выводовъ изъ мѣній по назначенію размѣра уроковъ съ данными изъ обытныхъ и постоянныхъ работъ межевыхъ чиновъ.

Въ составѣ присутствія проектъ урочнаго положенія снова былъ повѣренъ—сводомъ наблюденій межевой палаты по работамъ 1861 года, протоколомъ испытанія въ чертежной палаты въ присутствіи младшаго, по числу избирательныхъ балловъ, изъ дворянскихъ членовъ палаты, чертежныхъ работъ, работъ по вычисленіямъ и составленію экспликацій, новыми наблюденіями старшаго межеваго члена палаты по обзорѣнію полевыхъ работъ и опытными работами межевыхъ комиссій, и, по всестороннему обсужденіи, утвержденъ единогласнымъ заключеніемъ всѣхъ присутствовавшихъ, съ увеличеніемъ уроковъ для однихъ работъ и уменьшеніемъ уроковъ для другихъ занятій. Проектъ представленъ въ концѣ 1861 г. на утвержденіе управляющаго межевымъ корпусомъ.

Денежные расходы.

На расходы по производству межеванія назначено, по Высочайше утвержденнымъ штатамъ, при дѣйствіяхъ одной палаты и пяти комиссій, 54,850 руб. въ годъ, независимо отъ расходовъ на задѣльную плату, прогоны, суточные, квартирныя, омеблированіе, заготовленіе инструментовъ и т. под.

Изъ этой суммы израсходовано на предметы, назначенные по штату, 45,747 р. 32 $\frac{1}{4}$ к., остальные 9102 р. 67 $\frac{3}{4}$ к. составляютъ экономію штатныхъ расходовъ палаты и 5 межевыхъ комиссій.

На расходы же по выдачѣ задѣльной платы, приобрѣтеніе инструментовъ, квартирныя и прочіе вышечисленные предметы, издержано въ 1861 году 46,406 р. 60 к.

Въ этомъ числѣ на омеблированіе комиссій отпущено въ 1861 году 1057 р. 29 к. и на омеблированіе палаты израсходовано 3456 р. 13 к.; инструментовъ выслано, въ 1861 году, изъ С.-Петербурга на 5981 р. 36 $\frac{1}{2}$ к.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ УѢЗДНЫХЪ МЕЖЕВЫХЪ КОМИССІЙ, СЪ ОТЧЕТНЫМИ КАРТАМИ СОСТОЯНІЯ МЕЖЕВАНІЯ ВЪ КАЖДОМЪ УѢЗДѢ И ПОЧВЕННЫМИ КАРТАМИ ДАЧЪ.

Препятствія, встрѣчаемыя комиссіями при исполненіи своихъ занятій.

Полная, самостоятельная дѣятельность уѣздныхъ межевыхъ комиссій, съ очевидными результатами по уничтоженію чрезполосности, имѣть возможность обнаружиться вполне только тогда, когда чинами, прикомандированными къ комиссіямъ, приготовлено достаточно полевыхъ работъ, необходимыхъ къ открытію производства соглашеній и обязательныхъ разводовъ, и когда работы эти, во всѣхъ отношеніяхъ, совершенно правильны. Быстрота полевыхъ межевыхъ работъ, производимыхъ въ Черниговской губерніи, состоя въ зависимости, какъ отъ громадной чрезполосности, доходящей нерѣдко въ средней величинѣ по лось до $\frac{1}{4}$ десятины и менѣе, такъ и отъ чрезвычайно огромнаго числа мелкихъ собственниковъ въ Черниговской губерніи — козаковъ, государственныхъ крестьянъ съ собственными и казенными землями, мелкопомѣстныхъ дворянъ и другихъ владѣльцевъ, а также и отъ разбросанности земель однихъ и тѣхъ же владѣльцевъ въ нѣсколькихъ селлахъ, чѣмъ именно и отличаются владѣнія малороссійскія отъ дачъ великорусскихъ губерній, въ которыхъ по писцовымъ книгамъ надавалась земля къ селеніямъ и въ которыхъ чрезполосность, главнымъ образомъ, могла образоваться только внутри каждой отдѣльной дачи, — значительно замедлялась и можетъ замедляться, съ одной стороны, несвоевременною явкою землевладѣльцевъ къ указанію своихъ участ-

ковъ, особенно, если въ дачѣ работаютъ два инструмента и одновременно межаются двѣ сосѣднія дачи или нѣсколько сосѣднихъ, что, по характеру малороссійской поземельной собственности, бываетъ часто неизбѣжно, и замедляется, съ другой стороны, небрежнымъ отправленіемъ землевладѣльцами натуральныхъ межевыхъ повинностей, какъ-то: высылки рабочихъ и подводъ при производствѣ полевыхъ работъ, что происходитъ частью отъ безпечности мѣстныхъ землевладѣльцевъ и предубѣжденія мелкихъ собственниковъ ко всякому новому дѣлу, и въ особенности къ такому, которымъ нарушаются ихъ вѣковыя привычки.

Правильность же вышеозначенныхъ приготовительныхъ работъ условливается вѣрностью съемки, безошибочною запискою принадлежности полосъ, вѣрностью означенія качества земли въ полосахъ, точнымъ знаніемъ распредѣленія угодій въ дачѣ по достоинству почвъ, вѣрнымъ изученіемъ мѣстныхъ особенностей, возвышающихъ и понижающихъ цѣнность почвъ, своевременнымъ составленіемъ таксаціи, съ соблюденіемъ всѣхъ относящихся къ ней правилъ, знаніемъ мѣстныхъ условій, обычаевъ, нравовъ и даже характера лицъ, владѣющихъ землями въ дачѣ, достаточнымъ знакомствомъ межевыхъ чиновъ со всѣми условіями малороссійскаго межеванія, убѣжденіемъ сословныхъ членовъ межевыхъ комиссій, прикомандированныхъ къ партіямъ, и уполномоченныхъ—въ непремѣнной важности совокупнаго значенія означенныхъ условій съ сознаніемъ, что тяжесть многосложныхъ и обширныхъ обязанностей комиссіи можетъ облегчиться только постоянно-предупредительною и неуспынною дѣятельностью членовъ комиссій съ первыхъ же дней полевыхъ работъ.

Сила этихъ обстоятельствъ, препятствующихъ удовлетворить въ первыхъ же годахъ открытія межеванія ожиданіямъ землевладѣльцевъ, заинтересованныхъ немедленнымъ размежеваніемъ земель ихъ, могла и можетъ ослабиться только постепенно съ принятіемъ мѣръ, способныхъ парализовать такое множество препятствій и затрудненій, мѣръ, соответствующихъ и мѣстнымъ и частнымъ обстоятельствамъ cadaqua межуемаго уѣзда и условіямъ малороссійскаго межеванія, мѣръ, внушающихъ землевладѣльцамъ, что всякая со стороны ихъ безпечность, всякое равнодушіе и всякая неисправность въ отправленіи межевыхъ натуральныхъ повинностей и своевременной явкѣ къ показанію своихъ земель при съемкѣ, заставить ихъ же нести большія издержки на межеваніе, такъ-какъ оно производится на ихъ счетъ и отъ ихъ несправностей будетъ продолжаться долѣе того времени, въ которое оно

было бы окончено, при своевременномъ исполненіи ими законныхъ отъ нихъ требованій.

Вліяніе мѣстныхъ особенностей.

Ни одинъ уѣздъ не представляетъ такихъ затрудненій для производства соглашеній и обязательныхъ разводовъ, какъ Глуховскій, по особенной природѣ своей мѣстности, усиливающей въ этомъ уѣздѣ выказанныя выше общія затрудненія и препятствія.

Разнообразіе почвъ вообще ведетъ владѣльцевъ къ чрезвычайной неуступчивости на соглашеніяхъ, ибо, пользуясь размежеваніемъ, устроеннымъ для уничтоженія чрезполосности, владѣльцы желаютъ имѣть всѣ свои земли въ одномъ мѣстѣ и каждый желаетъ какъ можно меньше потерять изъ прежняго количества земли, не говоря уже о мелкихъ собственникахъ, настаивающихъ упорно на оставленіе ихъ земель непремѣнно въ прежнихъ трехъ смѣнахъ, хотя и сведенными къ однимъ мѣстамъ. Обязательное же размежеваніе въ дачахъ съ разнообразными почвами ставитъ комиссіи въ такое затрудненіе, которое вынуждаетъ ихъ просить о большей свободѣ въ размѣщеніи сводимыхъ къ однимъ мѣстамъ земель, нежели сколько оной представляется тѣснымъ пониманіемъ правилъ о размежеваніи земель въ Малороссіи при обязательныхъ разводахъ.

Въ Глуховскомъ уѣздѣ мало того, что на поляхъ онаго сошлись всѣ почвы, существующія въ губерніи, начиная отъ черноземной до каменистой, отъ сыпучаго песка до вязкой глины,—но еще почвы эти разбросаны съ необычайною разнокачественностью достоинствъ по причинамъ геологическимъ, и именно по случаю сліянія въ этомъ уѣздѣ двухъ и даже трехъ пластовъ земной коры, вліяніе которыхъ отразилось не на всѣхъ, но на нѣкоторыхъ полосахъ различныхъ почвъ уѣзда. Мѣловая формація означенныхъ пластовъ, богатая гипсомъ, мергелемъ и кремнеземною кислотою, весьма улучшающими качество почвъ въ земледѣліи, граничитъ въ этомъ уѣздѣ съ формаціею третичныхъ пластовъ земной коры, содержащую различныя цѣнныя въ промышленности глины и полезныя въ земледѣліи известняки, если известняки тѣ бываютъ въ соединеніи съ пахатымъ слоемъ черноземныхъ осадковъ и другихъ наносовъ новѣйшихъ пластовъ, которые и идутъ въ Глуховскомъ уѣздѣ съ южной его части, въ смѣси съ розсыпями песковъ и осадками глинъ, безпрестанно перепутываясь съ разрушившимися вышепоименованными породами, залегающими въ сѣверной и

восточной частяхъ уѣзда. Обстоятельство такой смѣси почвъ увеличиваетъ затрудненія соглашеній при обязательномъ межеваніи, независимо отъ образующейся поэтому плавающей разнокачественности полосъ, и потому, что черноземъ, песчаная и глинистая земля, не измѣняясь въ наружномъ видѣ, обилуетъ въ нѣкоторыхъ полосахъ одной и той же почвы болѣе противъ другихъ разрушенными минералами означенныхъ формаций, богатыхъ фосфорнокислыми солями, извести и гипсомъ или сѣрнокислою известью, отъ чего черноземъ, песокъ и глина становятся несравненно плодороднѣе.

СТАТИСТИЧЕСКІЕ ТРУДЫ МЕЖЕВОЙ ПАЛАТЫ.

Цѣль статистическихъ занятій и способы исполненія оныхъ.

Межевые учрежденія Черниговской губерніи, независимо отъ обязанностей по межеванію, призваны ст. 41 и 42 Высочайше утвержденнаго Положенія о размежеваніи Малор., къ разработкѣ матеріаловъ, собираемыхъ, на основаніи Св. Меж. Зак., лицами, служащими по межеванію. При исполненіи этого труда, межевая палата приняла въ основаніе то правило, что хозяйственно—статистическое описаніе земель должно изображать настоящее состояніе хозяйственной народной жизни во всѣхъ ея условіяхъ въ связи съ законами, управляющими развитіемъ явленій этой жизни, причинами этихъ явленій и значеніемъ взаимнаго ихъ вліянія. Выходя изъ этого основнаго взгляда на направленіе статистическихъ занятій и имѣя въ виду, что никогда не можетъ предстать лучшаго и болѣе удобнаго случая къ землевѣдѣнію края, какъ при производствѣ межевыхъ работъ, гдѣ каждая ступень земли осматривается въ связи съ ея производительною силою, состояніемъ народнаго хозяйства и моральными силами населенія, палата, при составленіи программъ для мѣстъ и лицъ, обязанныхъ статистическими занятіями, старалась, съ одной стороны, обнять все обстоятельства нравственной и экономической дѣятельности народа, подлежащія изслѣдованію, а съ другой стороны—распредѣлить статистическіе труды въ прямомъ отношеніи съ извѣстнаго рода спеціальностью дѣятелей, не отнимая у нихъ, притомъ, времени для исполненія прямыхъ служебныхъ обязанностей. Такимъ образомъ, составлены слѣдующія программы: для занятій межевыхъ чиновъ по предметамъ, требуемымъ отъ нихъ правилами Св. Меж. Зак., и соединеннымъ съ ихъ спеціальностью; для членовъ межевыхъ комиссій, гдѣ имѣлось въ виду, чтобы труды этихъ лицъ, знакомыхъ съ условіями мѣстности и сельско—хозяйственнаго ея

быта, восполняли бы наглядные и графическіе труды межевыхъ чиновъ; для межевыхъ комиссій — съ цѣлью приведенія собранныхъ данныхъ въ правильно — организованный видъ, и для межевой палаты, съ тѣмъ направленіемъ, чтобы, при составленіи описаніи уѣздовъ, выразить всѣ обстоятельства сельско-хозяйственнаго быта какъ въ тексты описанія, такъ и въ графическихъ изображеніяхъ. Кромѣ этихъ программъ, составлены наставленія для чиновниковъ межевой палаты, коимъ будутъ поручаемы статистическія занятія.

Содержаніе всѣхъ этихъ программъ и особыя по предмету статистическихъ изслѣдованій предписанія межевой палаты направляютъ труды дѣятелей, собирающихъ свѣдѣнія, такъ, чтобы ни одинъ вопросъ, ни одно указаніе программы не были оставляемы безъ отвѣтовъ и постановки самыхъ вѣрныхъ свѣдѣній, взятыхъ изъ дѣйствительности, указывая, что неполнота и неточность свѣдѣній по одному какому-либо вопросу, хотя бы, повидимому, второстепенной важности, ослабить значеніе другихъ свѣдѣній, какъ бы полны они ни были, и поведетъ къ неправильнымъ заключеніямъ о силахъ населенія; въ отношеніи обработки собранныхъ свѣдѣній указано, чтобы, при составленіи описаній, постоянно было обращено вниманіе на взаимную связь обстоятельствъ и на соотношенія, обнаруживаемыя статистическими данными, имѣя въ виду, чтобы сельско-хозяйственная жизнь населенія рисовалась изъ природы, мѣстныхъ условій и свойствъ народнаго труда, и чтобы описаніе мѣстности, застигнутой межеваніемъ, было не простымъ свидѣтельствомъ о хозяйственномъ бытѣ того времени, но и указаніемъ на мѣропріятія къ тѣмъ рациональнымъ улучшеніямъ въ земледѣліи и сельской промышленности, существованіе которыхъ дѣлается возможнымъ съ размежеваніемъ разрозненныхъ кусковъ земли въ самостоятельныя владѣнія.

Статистическія свѣдѣнія собираются по каждой обмежеванной дачѣ отдѣльно и послужатъ матеріалами для составленія сначала описанія каждаго уѣзда, а затѣмъ и всей губерніи. Видимые результаты статистическихъ трудовъ ожидаются въ 1862 г. Впрочемъ и въ настоящее время палата уже имѣетъ нѣсколько статистическихъ описаній обмежеванныхъ дачъ, составленныхъ какъ въ уѣздныхъ комиссіяхъ, такъ и секретаремъ административнаго отдѣленія межевой палаты, которому поручены были особыя занятія по этому предмету, для восполненія пропусковъ, допущенныхъ по обмежеваннымъ уже дачамъ въ прежніе годы, до составленія подробныхъ статистическихъ программъ,

и для повѣрки свѣдѣній, собираемыхъ въ прежнее время по дачамъ Черниговскаго уѣзда.

Успѣхъ статистическихъ занятій много зависитъ отъ послѣдовательной и самостоятельной дѣятельности межевыхъ комиссій, къ которой, въ настоящее время, въ Нѣжинской межевой комиссiи положено уже твердое основанiе.

О ПОЛЕВОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ ВЪ БЕССАРАБIИ.

(Г. Бендеры, 4 iюня 1862).

Въ 1860 году, въ Бессарабiи былъ урожай не совсѣмъ обильный, но мыши довершили убытки сельскихъ хозяевъ, оставивъ ихъ безъ зерноваго хлѣба. Въ 1861 г. былъ неурожай. Всѣ хозяева жаловались. Въ настоящемъ не предвидится урожая, особенно сѣна, по крайней-мѣрѣ на югѣ Бессарабiи. Подумаешь: да развѣ первый годъ неурожая въ Бессарабiи! Неужели хозяева не обратятъ вниманiя на это явленiе? Пора бы давно! Но вотъ бѣда: каждый хозяинъ нашъ держится себя. Не удалось въ этомъ году, надѣется на будущiй; поэтому ведетъ и расходы насчетъ будущаго благополучiя. Не удалось въ этомъ году, нашъ хозяинъ не оставляетъ надежды и впредь, и такъ далѣе. Почему бы не составить помѣщикамъ общiй сѣздъ, въ которомъ каждый раскрылъ бы причины своихъ неудачъ? Одна голова хороша, а двѣ лучше, говоритъ пословица. Почему бы не посоветоваться всѣмъ вмѣстѣ, хотя бы по уѣздамъ? тогда вышло бы, что десять, двадцать или тридцать головъ еще лучше. Бѣда, видите, въ томъ, что бессарабскiе помѣщики раздѣлены на партiи. Это ясно мы видимъ при дворянскихъ выборахъ. Но пора и одуматься.

По наблюденiямъ, прошло уже, и, по естественному порядку, невозвратно, время, когда тучная земля Бессарабiи давала обильные урожаи. Урожай съ годами то возвышался, то понижался, а въ послѣднее время стали уже въ убытокъ. Давно эти убытки растутъ, а хозяйство идетъ тѣмъ же порядкомъ, какъ было за 30 или 40 лѣтъ; надежда вся на Бога, и причина всякому неурожаю Богъ. Но гг. хо-